

Карен М. Макманус

НИ
Слова
больше!

От автора
супербестселлера
«ОДИН ИЗ НАС
ЛЖЕТ»

Держи друзей близко,
а свои секреты еще ближе...

Карен М. Макманус

Ни слова больше!

Серия «Neoclassic: Расследование»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68911896

К. М. Макманус. Ни слова больше!: ООО «Издательство АСТ»; Москва;

2023

ISBN 978-5-17-152950-5

Аннотация

Четыре года назад трое учеников престижной школы Сент-Амброуз обнаружили в лесу тело жестоко убитого учителя мистера Ларкина. Полиции так и не удалось найти преступника...

Теперь в город возвращается любимица Ларкина – Бринн Галлахер, мечтающая о карьере криминального журналиста. Она твердо намерена узнать, кто же расправился с любимым всеми педагогом, у которого, казалось, не было врагов. Но так ли это на самом деле?

Чем дальше продвигается расследование, тем больше Бринн узнает и о самом мистере Ларкине, и о возможных мотивах его убийства. Круг подозреваемых расширяется, и в него попадают трое ребят, нашедших тело.

Но кто и по какой причине окажется убийцей?..

Содержание

Глава 1. Бринн	5
Глава 2. Бринн	16
Глава 3. Трипп	27
Трипп. Четыре года назад	38
Глава 4. Трипп	40
Глава 5. Бринн	53
Глава 6. Бринн	60
Глава 7. Трипп	69
Глава 8. Трипп	73
Глава 9. Бринн	80
Глава 10. Бринн	92
Трипп. Четыре года назад	99
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Карен Макманус

Ни слова больше!

Karen M. McManus
Nothing More to Tell

© Karen M. McManus, 2022

Школа перевода В. Баканова, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

Посвящается Ро и Эллисон

Глава 1. Бринн

– Какое твое любимое преступление?

Сидящая рядом девушка приветливо улыбается, и я, естественно, решаю, что ослышалась.

– Любимое что?

– Преступление, – повторяет она все с той же улыбкой.

Значит, не ослышалась.

– Типа вообще или?..

– В сериях «Мотива», – уточняет она с легким раздражением в голосе.

Поделом мне – могла бы сообразить, раз сидим в приемной детективного телешоу.

Делаю попытку реабилитироваться:

– Ну да, я поняла. Трудно сказать. Они все такие... – *как бы получше выразиться?* – ...увлекательные.

– Я ташусь от саги о семье Сторис, – говорит она.

И больше не замолкает.

Собеседница помнит такое количество подробностей о прошлогоднем сезоне, что я мысленно снимаю шляпу. Передо мной настоящий знаток «Мотива», тогда как я только начинаю осваивать криминальную документалистику. Если честно, я даже не ожидала, что меня пригласят на собеседование. Мое обращение к ним было, мягко говоря, нетрадиционным.

Что поделатъ – отчаянные времена...

Каких-то пару месяцев назад, в октябре, все шло по плану. Я жила в Чикаго, возглавляла редакцию школьной газеты и уже подала раннюю заявку в Северо-Западный колледж, в котором давно мечтала учиться. Две мои лучшие подружки тоже собирались учиться поблизости, и мы договорились снять квартиру на троих.

И тут – один облом за другим: меня выгоняют из газеты, не зачисляя в колледж, а папа сообщает, что его переводят обратно в главный филиал компании. Для нас это означает возвращение в родной Стерджис, штат Массачусетс, в наш старый дом, где после нашего отъезда поселился дядя Ник.

«Начнем с чистого листа», – сказала мама, сделав вид, что не помнит, как я рвалась оттуда четыре года назад.

В общем, теперь мне позарез нужна стажировка, которая заставит Северо-Западный колледж пересмотреть свое решение. У меня уже накопилось с полдюжины стандартных вежливых отказов. Нет чтобы написать прямо: «Дорогая мисс Галлахер! Ввиду того что самой успешной вашей публикацией в школьной газете является коллаж из фотографий пениса, вы нам не подходите».

Для справки: никаких пенисов я не фотографировала и уж тем более не публиковала. Я всего-навсего сдуру вышла из редакционного кабинета, забыв выключить компьютер и не заперев за собой дверь. Только кого это волнует? Мое имя красуется на тысяче разлетевшихся по Сети скриншо-

тов, один из которых приземлился в *BuzzFeed* с подписью: «Скандал в школе Города ветров: розыгрыш или порнография?»

И так понятно, что и то, и другое. После седьмого вежливого отказа до меня дошло: нет смысла прятать то, что первым делом вылезает о тебе в «Гугле». Поэтому в «Мотив» я обратилась иначе.

Разговорчивая девушка в холле подытоживает свой впечатляющий анализ семейной драмы *Сторис* и круто меняет тему.

– Ты где учишься? – спрашивает она. – Я на втором курсе Эмерсона. Главная специальность – медиа-арт, дополнительная – журналистика, хотя, скорее всего, я поменяю их местами.

На ней клевая кожаная курточка поверх футболки с принтом и черные джинсы. На душе чуть спокойнее, оттого что мы одеты практически одинаково.

– Я еще в школе, в выпускном классе, – говорю.

– Да ну? – Ее глаза округляются. – Не знала, что они берут на стажировку школьников.

– Я сама не ожидала.

«Мотив» не входил в список, который я составила со своим личным консультантом по профориентации, четырнадцатилетней сестрой Элли. Я наткнулась на их программу, прочесывая сайт *Boston.com*, потом погуглила и выяснила, что их главный продюсер Карли Диаз прошлым летом на время

переехала из Нью-Йорка в Бостон, чтобы ухаживать за кем-то из родителей. «Мотив» – не особо широко известное, зато быстро набирающее обороты телешоу в жанре криминальной документалистики. Пока они выходят только на канале кабельного телевидения, но поговаривают, что их вот-вот приберет к рукам какой-то крупный стриминговый сервис.

Статья на *Boston.com* называлась «Карли Диаз устанавливает и нарушает собственные правила» и сопровождалась фотографией: Карли в ярко-розовом тренче стоит подбоченившись посередине Ньюбери-стрит. Непохоже, что такая особа осудит человека, угодившего в передрагу. Скорее она осудит любого, кто не примет вызов с гордо поднятой головой.

– Значит, ты работаешь в школьной газете? – спрашивает студентка из Эмерсона.

Вот умница, бьет сразу в больное место.

– Уже нет.

– Да ну? – Одна бровь съезжает к переносице. – Тогда как...

– Бринн Галлахер? – разносится по приемной. – Карли вас ждет.

– Ничего себе! – Глаза моей новой знакомой округляются. – Я и не предполагала, что Карли проводит собеседования лично.

– Как-нибудь справлюсь, – говорю я, встаю и перебрасываю сумку через плечо. – Чем черт не шутит.

Ловлю себя на мысли, что с удовольствием посидела бы подольше со студенткой из Эмерсона и ее нескончаемыми вопросами. Улыбаюсь ей, как давней подруге, и прошу:

– Пожелай мне удачи.

Она поднимает вверх два больших пальца:

– Ни пуха.

Вхожу за секретаршей в просторный, застекленный от пола до потолка офис. За окнами раскинулся бостонский Бэк-Бей. Сейчас, правда, не до вида из окна. Навстречу мне поднимается сама Карли Диаз. Она одаривает меня сияющей улыбкой и протягивает руку:

– Добро пожаловать, Бринн.

Совершенно растерявшись, я едва не выкрикиваю: «Пожалуйста!»

– Спасибо, – говорю, тряся ее руку. – Рада познакомиться.

На ум почему-то приходит эпитет «гигантская», хотя без четырехдюймовых каблучков Карли совсем не высокая. Просто от нее исходит такая энергия, что кажется, будто она светится изнутри. Невероятно густые и блестящие черные волосы, безукоризненный макияж, скромное, но элегантное платье – все вызывает желание выбросить свой гардероб и начать жизнь заново.

– Присаживайся, – говорит Карли и возвращается за стол. Секретарша беззвучно исчезает за дверью. – Пить не хочешь?

Передо мной стеклянные стаканы и графин, до краев на-

полненный водой со льдом. Стоит ли моя легкая жажда громадного риска облиться самой или, того хуже, облить ноутбук Карли?

– Нет, спасибо.

Карли соединяет пальцы в замок: на каждом по вызывающе массивному золотому кольцу. Ногти покрыты темно-красным лаком – ухоженные, хотя недлинные.

– Что ж, – начинает она с улыбкой. – Ты наверняка догадываешься, почему тебя пригласили?

– Потому что я прислала вам заявку? – осторожно предполагаю я.

– Именно. – Улыбка становится шире. – Мы получили около пяти тысяч писем. В основном от студентов окрестных колледжей, хотя есть и желающие переехать издалека. При такой конкуренции выделиться нелегко. – Я напрягаюсь. – И должна признать: ничего похожего на твое письмо я в жизни не видела. Его заметила одна из наших продюсеров и сразу же переправила мне.

Карли нажимает на клавишу, поворачивает экран, и я вижу свой чудо-имейл из девяти слов: «Я правда пишу лучше. – Ссылка на пресловутую статью в *BuzzFeed*. – Заранее спасибо за уделенное время».

Мои уши пылают, а Карли продолжает:

– Своим имейлом ты убила сразу двух зайцев. Во-первых, рассмешила меня – я хохотала до слез, когда открыла ту статью. Во-вторых, никаких других ссылок ты не добавила,

и мне пришлось потратить пятнадцать минут очень плотно расписанного дня на поиски твоих репортажей. – Она откидывается на стуле, буравя меня темными глазами. – Неслышанное дело.

Довольная гримаса уже готова появиться на моем лице, но я вовремя спохватываюсь: вдруг это не комплимент?

– Я надеялась, вы оцените мою честность. – Смущенно ерзаю на стуле. – И... краткость.

– Опасный ход, – говорит Карли, – и смелый. Мне понравилось. Кстати, выгонять за такое из газеты – полный бред. Ты хоть знаешь, кто тебя подставил?

– Еще бы.

Я хмурюсь и скрещиваю руки на груди.

В то время я собирала материал по делу о фальсификации отметок с участием нескольких игроков нашей баскетбольной команды – между прочим, чемпионов штата. Их тупорылый капитан Джейсон Прютт зажал меня в раздевалке и рывкнул свое обычное: «Не нарывайся». Я не подчинилась, и неделей позже, как раз после баскетбольной тренировки, в Сети обнаружили те самые фотографии.

– Виновник, естественно, не сознался, а доказательств у меня не было.

– Жаль, – отзывается Карли. – Таких, как ты, следует не выгонять, а продвигать. Пишешь ты и в самом деле неплохо.

Я расслабляю плечи, вот-вот расплывусь в улыбке. Кто бы мог подумать, что так легко заполучу место? И вдруг слышу:

– Только мы не берем на стажировку школьников.

– В вашем объявлении не сказано, что обязательно быть студентом, – не теряюсь я.

– Случайное упущение, – спокойно парирует Карли.

Я сникаю, но тут же беру себя в руки. Стала бы она со мной беседовать, если не собиралась нарушить правило.

– Обещаю работать в два раза усерднее любого студента! Буду сидеть в офисе каждую свободную от уроков минуту, включая ночи и выходные.

«Больше в Стерджисе все равно делать нечего», – едва не добавляю я, но вовремя решаю не грузить Карли излишней информацией.

– Пусть я не самый опытный кандидат, – продолжаю я, – зато брежу журналистикой чуть ли не с младших классов. Для меня других профессий просто не существует.

– Это почему же?

Потому что больше я ни в чем не преуспела.

У нас в семье один другого талантливее. Папа – блестящий ученый, мама вся в наградах за иллюстрации к детским книгам, а Элли – виртуоз флейты. Все они буквально с пеленок знали, чем хотят заниматься. Я же, сколько себя помню, безуспешно пыталась найти свой особенный, уникальный талант, лишь бы не стать еще одним дядей Ником.

«Он так и не понял, чего хочет от жизни, – вздыхал каждый раз отец, когда его сводный брат в очередной раз менял факультет. – Видимо, не всем дано».

Такое впечатление, что в семействе Галлахер нет порока ужаснее, чем с детства не определиться с жизненным призванием. Как бы я ни обожала дядю Ника, роль второго оболтуса в семье меня никогда не привлекала. Можете представить, с каким восторгом и облегчением я услышала в восьмом классе от учителя, что у меня журналистский талант. Он посоветовал писать для школьной газеты, я так и сделала – и впервые в жизни обнаружила настоящие способности. На горизонте замаячила цель. «Бринн скоро начнет вещать на Си-эн-эн», – горделиво шутили родители.

Вот чего я лишилась осенью. Все мои старания, все достижения, которыми я так гордилась, обернулись каким-то злым фарсом.

Впрочем, такое объяснение вряд ли подходит для успешного собеседования, поэтому я чеканю:

– Я верю, что каждая история достойна того, чтобы ее услышали; журналист наделяет голосом тех, у кого его нет.

– Неплохо сказано, – вежливо кивает Карли. Впервые с начала нашего разговора я замечаю в ней потерю интереса и тут же краснею. Стандартные формулировки здесь явно не катят. Меня пригласили не из-за стандартно составленного обращения. – Однако мы не «Нью-Йорк таймс», понимаешь? Документалистика преступлений – ниша очень специфическая, и если тебя не увлекает...

– Еще как увлекает! – перебиваю я. Знаю, рискованно, только я готова на все, лишь бы получить здесь место. Соби-

рая информацию о телешоу, я вдруг осознала, что «Мотив» может дать мне гораздо больше, чем бонус для поступления в колледж. – Я как раз собиралась об этом поговорить. У меня и настоящее резюме есть, и требуемый опыт работы: соцсети, копирайтинг, редакция, проверка фактов и тому подобное. Даже рекомендации. Только, если вы не против, я хотела бы поделиться идеей для сериала.

– Вот как?

– Ага, минутку. – Я лезу в сумку и достаю оттуда бумажную папку с тщательно подготовленным для встречи материалом. – Нераскрытое преступление в моем родном городе.

Брови Карли ползут вверх:

– Ты мне сценарий предлагаешь? Прямо на собеседовании?

Замираю с наполовину открытой папкой. Не пойму: Карли это впечатляет, раздражает или забавляет.

– Да, – говорю. – Если позволите.

– Что ж, – разрешает она, чуть улыбнувшись. – Я слушаю. Явно забавляет. Ладно, могло быть и хуже.

Достаю лежащую сверху фотографию из «Стерджис таймс». Под ней подпись: «Победители олимпиады штата по литературе – ученики школы Сент-Амброуза Бринн Галлахер и Ноа Тэлбот». На фото мне тринадцать и рот до ушей – всего нас на снимке трое, я посередине с медалью на шее.

– Какая ты тут милашка, – замечает Карли. – Поздравляю.

– Спасибо, дело не в награде. Я храню фотографию в па-

мать о нем. – Тыкаю пальцем в улыбающегося мужчину. Он молод, красив и даже на газетном снимке излучает энергию. – Мистер Ларкин преподавал у нас язык и литературу. В тот год он только начал работать в Сент-Амброузе. Это он уговорил меня участвовать в олимпиаде и рекомендовал в школьную газету.

К горлу подкатывает комок. Слова мистера Ларкина звучат в сознании, будто и не было этих четырех лет: «У тебя определенно талант». Он и представить себе не мог, что они для меня значили. Я так и не успела ему это рассказать и теперь буду сожалеть об этом до конца своих дней.

– Мистер Ларкин помогал каждому ученику раскрыть собственный потенциал, – продолжаю я. – И выявить способности у тех, кто считал себя ни на что не годным.

Поднимаю глаза на Карли – внимательно ли она слушает? – и добавляю:

– Через два месяца после той олимпиады мистера Ларкина убили. Пробили голову камнем. Его нашли в лесу за школой трое моих одноклассников.

Я показываю на фотографию, точнее, на мальчика с такой же медалью, как у меня.

– Один из них – Ноа.

Глава 2. Бринн

Даю Карли время переварить информацию и разглядываю мистера Ларкина на фотографии. На нем его фирменный галстук лимонного цвета – хотя по черно-белому снимку догадаться невозможно. Однажды я спросила, чем ему нравится тот галстук, и мистер Ларкин ответил, что ярко-желтый цвет олицетворяет старую мудрость: «Если жизнь подкидывает тебе лимоны, сделай из них лимонный пирог». Помню, я его еще поправила, гордясь, что знаю больше учителя: «Не лимонный пирог, а лимонад!»

«А я лимонад не люблю, – ответил он, пожав плечами. – Зато люблю пирог».

Карли скрещивает ноги и какое-то время постукивает носком туфли по ножке стола. Затем тянется к ноутбуку.

– Дело, говоришь, нераскрытое?

Она явно заинтересовалась, мой пульс учащается.

– Не совсем.

Карли удивленно поднимает бровь:

– Обычный ответ в таких случаях – «да» или «нет».

– По официальной версии, его убил бродяга, – объясняю. – За пару недель до смерти мистера Ларкина в центре города появился какой-то странный тип. Со всеми конфликтовал и нецензурно ругался. Никто о нем ничего не знал. Однажды он околачивался возле нашей школы – кричал на

детей во время перемены. Мистер Ларкин вызвал полицию, того типа забрали. Продержали несколько дней за решеткой и выпустили незадолго до того, как учителя нашли мертвым. – Я расправляю загнутый угол страницы. – Бродягу больше не видели, вот и решили, что он убил мистера Ларкина в отместку и скрылся.

– Версия вполне складная, – говорит Карли. – Тебя в ней что-то смущает?

– Раньше не смущало, – признаюсь я.

В моем тогдашнем представлении восьмиклассницы все сходилось. Теория с невменяемым чужаком, как ни странно, успокаивала, ведь она означала, что опасность миновала. И главное, что зло не притаилось среди нас: горожан, соседей, людей, которых я знала с детства. Я часто думала о смерти мистера Ларкина, но мне как-то в голову не приходило взглянуть на обстоятельства с журналистской точки зрения. Сомнения зародились лишь недавно, когда, готовясь к этому собеседованию, я залпом просмотрела целый сезон «Мотива». Глядя, как Карли на экране по косточкам разбирает хлипкие алиби и шаткие теории, я не могла отделаться от мысли, что по делу мистера Ларкина никакого расследования, в сущности, не было.

Именно тогда меня осенило: а я-то на что?

– С тех пор как мы вернулись в Стерджис, – продолжаю, – у меня тот случай из головы не выходит. Не дает покоя чувство, что все чересчур... как вы сказали, складно.

– Любопытно. – Карли несколько секунд молча стучит по клавиатуре. – Информации маловато: упоминание в вашей местной газете и пара заметок в «Бостон глоб». Последние новости датированы маем, через пару недель после его смерти.

Она щурится на экран и читает:

– «Сплоченная школа потрясена смертью учителя». Ни слова о том, что произошло убийство.

Помню, как мы с подружками закатили глаза, увидев эпитет «сплоченная», хотя школьный девиз гласит: «Вместе сильнее». В Сент-Амброузе учатся дети от шести до восемнадцати лет, то есть получается, что «вместе сильнее» мы только до поступления в колледж.

Вообще говоря, Сент-Амброуз – довольно необычная частная школа. Она расположена в захолустном, неприглядном Стерджисе, а обучение там стоит десятки тысяч долларов. Умные детки со всей округи подают туда заявки в надежде на субсидию, которая покрывает стоимость учебы и не даст угодить в одну из государственных школ Стерджиса. В то же время Сент-Амброуз слабо котируется среди семей, которые могут позволить себе частное образование, поэтому большинство учеников школы, за которых платят, – бездарь. В результате все там делятся на ребят «с мозгами и без денег» и ребят «с деньгами и без мозгов», и на моей памяти эти группы практически не пересекались.

До того как папа получил повышение с переводом в Чи-

каго, мы с сестрой учились на субсидию. Теперь нам хватает денег на частную школу. Так что придется возвращаться в Сент-Амброуз. Вместе сильнее.

– Да, – соглашаюсь я. – Об убийстве почему-то нигде не сказано. Даже подозрительно.

Карли по-прежнему изучает экран:

– Точно. Классический случай нераскрытого преступления. В престижной частной школе убивают молодого, всеми любимого учителя, труп находят трое богатеньких подростков. – Она постукивает пальцем по фотографии в «Стерджис таймс». – В том числе твой дружок... как его? Ноа Тэлбот?

– Трипп, – поправляю я. – Все зовут его «Трипп», от слова «триплет», то есть «третий». Он не из богатых.

И тем более мне не дружок.

– Ты хочешь сказать, мальчик с именем Тэлбот Третий не богат? – недоумевает Карли.

– Просто у них в семье три Ноа подряд, – объясняю я. – Поэтому его отца называют Джуниор, то есть Тэлбот-младший, а сам он – Трипп, понимаете? Он, как и я, учился на стипендию.

– А другие двое? – Карли прокручивает на экране результаты поиска. – Имена нигде не упомянуты, хотя чему удивляться – вы были совсем еще детьми.

– Шейн Дельгадо и Шарлотта Холбрук.

– Тоже стипендиаты?

– Что вы! Шейн, наверное, самый богатый ученик школы.

В четвертом классе, когда мы составляли семейное древо, он заявил, что его в детстве усыновили. Я не раз задумывалась, каково это – сменить полную неопределенность приюта на роскошное существование богачей. Хотя Шейн, наверное, ничего из прежней жизни и не помнит.

Что касается Шарлотты... Затрудняюсь ее описать. Девочка из богатой семьи и уже в тринадцать лет редкая красавица. Тем не менее о ней я помню только то, что она была помешана на Шейне, а тот, в свою очередь, ее в упор не замечал. Такая подробность вряд ли относится к делу, поэтому просто добавляю:

– Шарлотта... тоже из богатых.

– Ну и что же те трое рассказали? – спрашивает Карли. – Например, о том, что делали в лесу?

– Собирали гербарий для школьного проекта, – отвечаю. – Трипп и Шейн работали в паре, а Шарлотта... Та вечно увязывалась за Шейном, куда бы он ни шел.

– А она с кем работала в паре? – спрашивает Карли.

– Со мной.

– С тобой? – Ее глаза округляются. – Но ведь тебя в лесу не было?

Я мотаю головой и молчу. Она не отстаёт:

– Почему?

– У меня были дела.

Опускаю глаза на фотографию тринадцатилетнего Триппа: нескладный, с брекетами, светлые волосы подстрижены

почти под ноль. Перед нашим возвращением в Стерджис любопытство пересилило гордость, и я поискала его в соцсетях. Произшедшая с ним метаморфоза повергла меня в ступор: теперь он высокий, широкоплечий, вечно стриженные под ежик волосы отросли и живописно спадают на лоб, подчеркивая голубизну глаз – единственное, что украшало его и раньше. Брекеты исчезли, зато появилась широкая и самоуверенная – нет, наглая – улыбка.

Трипп Тэлбот несправедливо, незаслуженно преобразился в журнального красавчика. И, судя по всему, ему это хорошо известно.

Внушительный список причин, по которым я его ненавижу, мгновенно и существенно пополнился.

– Дела поважнее домашней работы? – любопытствует Карли.

– Я срочно дописывала статью для школьной газеты.

Чистая правда. В то время я постоянно над чем-то работала. «Дозорный Сент-Амброуза» стал моей жизнью, и я все дни напролет корпела над статьями. Конечно, на сбор гербария я бы часок нашла, только предпочла пропустить мероприятие, в котором участвовал Трипп.

Раньше мы с ним дружили. С шестого класса буквально часами торчали по очереди друг у друга дома. Его отец даже шутил, что пора меня удочерить, а мои родители всегда запасали любимые сладости Триппа. Мы учились в одном классе и по-дружески соревновались в оценках. В день смерти ми-

стера Ларкина Трипп на физкультуре во всеуслышание сказал мне, чтобы я больше за ним не бегала. Мол, он мне не бойфренд. Я рассмеялась, решив, что это шутка, а он взял и громко обозвал меня прилипалой.

Даже сейчас внутри все переворачивается, как вспомню то унижение. Одноклассники смеялись в голос, наш физрук Рамирес неуклюже попытался сгладить неловкость. Хуже всего – я понятия не имела, что на Триппа нашло. Еще накануне мы сидели у него за домашкой, все было нормально. Ничего сомнительного я не делала и не говорила. В жизни не думала с ним флиртовать.

Обнаружив мистера Ларкина, Шарлотта, Шейн и Трипп вдруг жутко заважничали – будто в тот день в лесу повзрослели лет на десять и познали нечто такое, что никому из нас не ведомо. Трипп, который никогда не дружил с Шейном и Шарлоттой, стал с ними не разлей вода. А со мной с тех пор больше не разговаривал. Стоило мне повернуть голову в его сторону, как окружающие тут же начинали переглядываться и закатывать глаза – мол, на что она, бедолага, рассчитывает, особенно теперь, когда парень стал знаменитостью. Два месяца спустя папу очень кстати перевели в Чикаго, и переезд положил конец моим мучениям.

Карли все это ни к чему. Еще решит, что я до сих пор переживаю из-за мальчишки, который унизил меня перед классом на физкультуре. Все равно что явиться в майке с надписью «Привет, я школьница».

– Так ты сама едва не угодила в свидетели преступления? – Карли щурится в экран. – Тут написано, что никаких улик на месте не обнаружили. Только отпечатки пальцев одного из мальчиков на орудии убийства. Камень поднял Трипп?

– Нет, Шейн.

Карли выгибает бровь:

– И никто его не заподозрил?

– Да нет. – Мне, во всяком случае, и в голову не приходило. Даже сейчас представить себе не могу, хотя не видела Шейна с восьмого класса. И вовсе не из-за его богатства и популярности. Просто он всегда казался таким... бесхитростным, что ли. – Шейн по жизни был разгильдяем и с мистером Ларкином ладил. У него не было ни малейшего мотива.

Карли кивает, как бы соглашаясь с моим суждением.

– А у кого-то другого мотив был?

– Не знаю.

Она указывает на экран:

– Тут пишут, что твой учитель занимался расследованием кражи в школе.

– Да, кто-то украл конверт с деньгами – их собрали для поездки восьмиклассников в Нью-Йорк. Больше тысячи долларов.

Это случилось в конце марта, я страшно обрадовалась возможности провести настоящее расследование для газеты.

Мистер Ларкин возглавлял школьную комиссию по делу, так что я чуть ли не ежедневно брала у него интервью.

– Спустя какое-то время после смерти учителя руководство школы обыскало все шкафчики; конверт нашли у Шарлотты, – добавляю я.

– Той самой, из леса? – В голосе Карли явно слышится недоверие. – Давай по порядку. Один из свидетелей оставляет отпечатки пальцев на орудии убийства, у другой находят деньги, которые разыскивал убитый, и что – им все сходит с рук? – Я киваю. – Ну, знаешь! Будь это темнокожие дети, к делу отнеслись бы иначе.

– Согласна.

Тогда я об этом не думала, а теперь, во время моего запойного просмотра «Мотива», поразились, что Триппу, Шарлотте и Шейну удалось так легко отделаться. Их посчитали детьми, они не попали под подозрение, их особо не допрашивали, не обвиняли, а ведь они вполне могли быть участниками той истории.

– Шарлотта уверяла, что конверт ей подбросили, – говорю я.

Кстати, я пробовала взять у нее интервью, но ничего не вышло. После смерти мистера Ларкина всю не относящуюся к учебе деятельность прикрыли на несколько недель, а когда снова разрешили, наш директор мистер Грисуэлл запретил мне писать о краже. «Школе нужно время, чтобы прийти в себя», – сказал он. Я сама пребывала в таком трансе, что

спорить не стала.

– Так. – Карли откидывается на спинку кресла и делает пол-оборота. – Поздравляю, Бринн Галлахер, тебе удалось меня заинтриговать.

Я чуть не подпрыгиваю на месте:

– Значит, вы займетесь делом мистера Ларкина?

Карли останавливает меня жестом:

– Ну, разбежалась. Вот этого, – она машет рукой над моей папкой, – для подобных решений недостаточно.

Я заливаюсь краской, внезапно чувствуя себя наивной дуручкой, бегущей впереди паровоза. Карли видит мое замешательство и смягчает тон:

– У тебя верное чутье. Случай действительно в духе нашей программы. К тому же ты продемонстрировала внушительный опыт и не спасовала перед парой неудачных фотографий. Так что была не была. По рукам?

Она умолкает, явно ожидая ответа. Я в нерешительности: правильно ли поняла вопрос?

– В каком смысле «по рукам»? – несмело переспрашиваю я.

Карли перестает вращаться в кресле.

– Я работу тебе предлагаю.

– Правда? – пишу я.

– Правда.

Меня накрывает волна облегчения, за спиной вырастают крылья. Давно мне так не везло, и впервые за долгое время

маячит надежда на какое-то светлое будущее. Карли бросает взгляд на расписанный на доске план на декабрь – настолько плотный, что я не могу разобрать ни слова.

– Ты еще учишься или уже на каникулах?

– Пока не учусь. Мы только что переехали, и родители решили до конца семестра не форсировать события. В школу начну ходить только с января.

– Отлично. Сможешь прийти завтра к десяти? Мы тебя проинструктируем.

Я киваю – молча, боясь вновь издать писк, а Карли добавляет:

– Кстати, запиши все подробности истории с учителем. Я покажу ее нашим продюсерам. Пусть глянут на досуге. – Карли закрывает ноутбук и встает: на сегодня мое время вышло. – Кто знает, вдруг получится что-то стоящее.

Глава 3. Трипп

Кладу чистый бланк на только что вытертый прилавок кафе-пекарни «Луч света» и перечитываю вступительный текст: «Грант Кендрика присуждается наиболее многообещающему старшекласснику Сент-Амброуза, по оценке школьной комиссии». Загадочный термин «многообещающий» нигде дальше не поясняется – никакого упоминания об успеваемости, общественной работе или финансовых обстоятельствах.

– Безнадежное дело, – обращаюсь я к пустому помещению. То есть не совсем пустому – при звуке моего голоса мохнатый хозяйский пес Эл радостно стучит хвостом об пол.

– Ты-то чему рад? Радоваться нечему, – говорю, а тот в ответ лишь язык высовывает. И радуется.

Пф-ф. Одно расстройство.

Из кухни с подносом свежей выпечки выходит владелица кофейни Регина Янг. Ее кекс с глазурью напоминает обычный разве что по форме и размеру – хозяйка печет его из творога с ванилью и добавляет туда секретный джем собственного приготовления. Дай мне волю, ел бы его прямо с противня.

– Что значит «радоваться нечему»? – вопрошает Регина и ставит поднос на прилавок.

При ее появлении Эл вскакивает, подбегает к стойке и ви-

ляет хвостом в ожидании подачи. Которая ему не светит. Вот бы мне хоть чуточку его оптимизма!

Слезаю с высокого табурета, чтобы помочь Регине поставить поднос в витрину. Она испекла кексы пораньше, до того как в половине пятого за ними начнет выстраиваться народ. Я не единственный в Стерджисе, кто без них жить не может.

– Грант Кендрика получить нереально, – бурчу я.

Хозяйка поправляет косынку, стягивающую короткие кудряшки, и отходит, чтобы пропустить меня к прилавку.

– Это почему же?

Сладкий фруктовый аромат кексов ударяет в нос, у меня текут слюнки.

– Его присудят «наиболее многообещающему старшекласснику школы». – Я рисую в воздухе кавычки. – Только нигде не сказано, что это значит. По сути, старина Гризли отдаст его кому пожелает. Меня он ненавидит, поэтому гранта мне не видать. Даже и пытаться незачем.

Я вытаскиваю из коробки под прилавком одноразовые перчатки, натягиваю их и начинаю выкладывать кексы на витрину, строго на четверть дюйма друг от друга.

Регина облакачивается на прилавок:

– Знаешь, Трипп, что мне в тебе нравится?

– Моя запредельная точность? – подсказываю, щурясь на витрину.

– Твой положительный настрой, – сухо отвечает она.

Вопреки паршивому настроению, не могу сдержать улыбки.

ку:

– Я просто называю вещи своими именами.

– Да ради бога. Давай, выговорись, выпусти пар. А потом заполни бланк, отправь и надейся на лучшее.

Делаю недовольную гримасу, хотя приятно, когда она строит из себя маму. Я не имею в виду *свою* маму. Последняя открытка от Лизы-Мари Тэлбот пришла семь месяцев назад, с видом казино в Лас-Вегасе, где она работает, и строчкой на обороте: «Руби фишку!»

– Так уж и быть, – ворчу я, – заполню.

Сдерживаюсь, чтобы не обрушивать на Регину поток жалоб, которые она знает наизусть. Тем более что она читает мои мысли. Заправляя новый рулон бумаги в кассу, хозяйка говорит:

– Мое предложение, кстати, в силе.

Всякий раз, как я начинаю ныть, что никакое из доступных мне пособий не покрывает и жилье, и питание, Регина напоминает о свободной комнате в их доме. Сейчас с ними живут только двое сыновей.

– Не бог весть что, – пожимает плечами она, – все тот же Стерджис. Но если вдруг надумаешь сменить обстановку, комната твоя.

Похожее предложение поступало и от друга. Шейн не раз говорил что-то вроде: «Чувак, давай после выпускного поселимся на квартире моих предков в Саут-Энде», – а когда дошло до дела и я спросил о переезде, он вспомнил, что квар-

тира сдается. «Зато в Мадриде есть свободная хата», – обрадовал он, будто нет разницы – жить в Массачусетсе или в Испании, особенно для человека без загранпаспорта.

Ну и ладно. Я, собственно, не горю желанием сожительствовать с Шейном. А о комнате у Регины подумаю. Уже столько лет живем вдвоем с отцом, что обстановку и в самом деле не мешало бы сменить. Просто в свой следующий переезд я надеялся заодно поменять и город.

Грант Кендрика поначалу выглядел вполне достижимым. Его совсем недавно учредил один из бывших учеников Сент-Амброуза – двадцать пять тысяч долларов годовых в течение четырех лет! Такая сумма означает возможность поучиться в паре государственных колледжей и приблизиться к поступлению в Массачусетский университет в Амхерсте, куда я в конечном счете метил. Консультанту по профориентации я сказал, что меня привлекает их «ознакомительная программа», где можно «попробовать разные специальности и выбрать ту, что отвечает моим интересам и стремлениям». И все же главной причиной для меня была не легкость поступления по результатам сочинения на свободную тему; я мечтал попасть в большой университет относительно далеко от дома, где можно будет почувствовать себя другим человеком.

– А с чего ты взял, что мистер Грисуэлл тебя ненавидит? – спрашивает Регина, отодвигая в сторону Эла, чтобы протереть витрину. Все ее дети учились в Сент-Амброузе, поэто-

му прозвище директора ей знакомо. Причем она до сих пор фанатит в родительском комитете и порой лучше меня осведомлена о школьной жизни.

– Из-за истории со стеллажами.

– Да брось. – Регина упирает руки в бока. – Он не станет вымещать на тебе давнюю обиду.

– Еще как станет!

Раньше отец время от времени подрабатывал по найму в Сент-Амброузе. Когда я учился в восьмом классе, Гризли заказал для своего кабинета встроенные книжные полки. Отец все сделал, выставил счет, а директор вдруг заартачился, что, мол, на такую цену не соглашался и заплатит только три четверти суммы. Они бодались несколько дней, после чего стало ясно, что Гризли не уступит. Тогда отец пришел на выходных в школу, разобрал весь стеллаж и заново покрасил стену. А еще оставил Гризли записку: «Передумал брать заказ».

В этом весь отец: всегда такой белый и пушистый, пока его не доведут – и тогда переключатель щелкает. Директор еще легко отделался, хотя самому Гризли так не казалось. Он капитально разозлился и, уж конечно, не отвалит сынку Джуниора Тэлбота пару сотен тысяч на колледж.

– Ну хорошо, положим, ты не любимчик мистера Грисуэлла, – продолжает Регина, – но ведь не один же он решает? У мисс Келсо тоже есть право голоса. К ней прислушиваются чуть ли не больше, чем ко всем остальным, вместе взятым. Кстати, о мисс Келсо... Разве она на днях не просила тебя

об услуге? В которой ты ей как дурак отказал?

– Ничего не знаю, – говорю.

– Ну же, Трипп. Ради бесплатной путевки в колледж?

– Я не желаю состоять в этом сомнительном комитете.

Регина скрещивает руки на груди и сверлит меня взглядом.

– С какой стати заниматься устройством сада в честь учителя, которого я... – слова застревают в горле, – нашел в лесу?

Уже несколько лет я пытаюсь забыть тот день. Регина, конечно, не догадывается об истинной причине. Откуда ей знать, что участие в создании мемориального сада Ларкина для меня не удачная возможность, а кошмарная пытка?

– Ничего ужасного, это знак уважения и поддержки, – заявляет Регина, потом спохватывается и, как умеет, смягчает тон. Получается плохо, но ведь главное – намерение. – Трипп, бог даст, тебе полегчает, залечишь наконец свою душевную рану. Ты достоин исцеления не меньше других.

В горле образуется ком, и я молчу. Не Регине Янг решать, чего я достоин, а чего нет. Она вообще ни черта обо мне не знает.

– Ты же понимаешь, – продолжает она, – что мисс Келсо ой как нужны помощники, ведь работы невпроворот. К тому же ребята из Сент-Амброуза всегда славились готовностью поддержать благое начинание. – Она заходит за прилавок и тычет пальцем в мою сторону: – Короче, перестал ныть и за-

писался, а не то сделаю пирог из твоей задницы!

– Блефуете, тетя, – говорю без особой уверенности.

Уж очень не хочется терять эту работу. Регина платит больше всех в Стерджисе, а «Луч света» мне как второй дом. Который к тому же куда чище и уютнее, чем первый.

Дверной колокольчик звякает, и внутрь, смеясь и толкаясь, вваливаются ребята в куртках поверх баскетбольной формы в желто-синюю полоску. Осенний сезон давно закончился, но соревнования на крытых площадках идут вовсю.

– Как жизнь, Трипп? – громко здоровается Шейн, бросая сумку под один из широких подоконников. Потом одаривает владелицу заведения улыбкой на миллион: – Привет, Регина! Забираем у вас все кексы, окей?

Та трясет головой:

– По два в одни руки, не больше. – Ребята подходят за салфетками и напитками. – Должно остаться для постоянных покупателей.

Шейн хватается за сердце, откидывает со лба прядь темных волос. Мой предок зовет его Рональдо – по фамилии европейского футболиста, на которого тот якобы похож.

– Ах, неужели после стольких лет мы все еще не считаемся постоянными покупателями? – театрально стонет он.

– Два в руки, – твердо повторяет Регина, слегка приподняв уголки губ. Никак не может решить, раздражает ее Шейн или забавляет.

– В один прекрасный день, – вздыхает тот и плюхается

на стул, – вы позволите мне съесть все кексы, и я наконец заживу полной жизнью.

– Ты и так живешь вполне хорошо, – встречаю я, за что достаиваюсь зловещей улыбки и среднего пальца.

Регина трогает меня за рукав.

– Я иду ставить булочки в духовку, – говорит она. – Будь человеком, уведи отсюда Эла.

По идее, Элу в кофейне находиться не положено, хотя никому, включая регулярно заходящих сюда полицейских, пес не мешает. И все же с наплывом посетителей Регина неизменно загоняет его в кладовку.

– Слушаюсь, мэм! – Я отдаю честь спине хозяйки, уже исчезающей за дверями в кухню. Заманиваю Эла печеньем, которое тот никогда не получает, и в качестве утешительного приза ставлю перед ним миску с водой. Затем возвращаюсь к кассе и пробиваю гигантский заказ, жонглируя одновременно несколькими банковскими картами.

Как только я расправляюсь с заказом, народ рассаживается и принимается мерно жевать, колокольчик на двери возвещает о появлении новой посетительницы.

– Играм конец, Шейни, – бормочет один из парней. – Жена пришла.

Шейн как по команде расплывается в улыбке:

– Привет, детка, – и подставляет губы Шарлотте. – Кекс хочешь?

– Не-а, только кофе.

На Шарлотте черное пальто с кучей пуговиц и петель, которые она долго и нудно расстегивает, прежде чем бросить его на спинку свободного стула.

– Черный, с медом? – спрашиваю.

Она подходит и прислоняется бедром к прилавку.

– А ты неплохо меня знаешь.

– Уникальное сочетание. Я тут два года работаю, и ты единственная, кто добавляет мед в кофе.

Губы Шарлотты искривляются в улыбку:

– Люблю выделяться.

Точно, с этим у нее проблем нет. Шарлотта Холбрук из тех девчонок, кому все прочат карьеру супермодели. Она купается во всеобщем внимании, как рыба – в воде, хотя в ней нет ничего особенного. Когда-то Регина спросила, как выглядит девушка Шейна, и я сказал: «Ну, симпатичная такая, шатенка, глаза голубые, чуть повыше тебя». Когда Шарлотта появилась, у Регины отпала челюсть. «Симпатичная! – возмутилась она. – Все равно что Эверест холмом обозвать».

Ставлю кофе перед Шарлоттой.

– Ты сегодня заходил на школьный сайт? – спрашивает она.

– Сейчас каникулы, забыла? – напоминаю.

– Знаю, просто в интранете вывесили списки классов, и я зашла посмотреть, с кем буду учиться в последнем семестре. – Я пожимаю плечами, она легонько хлопает меня по руке. – Некоторым из нас это небезразлично. Так вот, угадай,

кого я там узрела?

– Ну, кого?

Переворачиваю пластмассовую бутылочку над чашкой, чтобы выдавить мед.

– Бринн Галлахер.

Чуть не роняю бутылочку с медом, Шарлотта оглядывается на Шейна за столиком и громко смеется. Она вряд ли помнит о нашей бывшей дружбе с Бринн. Да и мы за все время, что дружили, о Шарлотте говорили ровно ноль раз.

– Кого?!

– Бринн Галлахер. – Шарлотта вновь поворачивается ко мне и делает испуганную гримасу. – Трипп, куда столько меда?

Вот черт! В ее чашке больше меда, чем кофе.

– Пардон, – спохватываюсь я, отодвигаю чашку в сторону и беру новую. Лишний сахар ей точно не всучишь: она свято блюдет пропорции. – Бринн Галлахер, говоришь?

– Уже дважды повторила.

Она прищуривается и с интересом наблюдает за моей новой попыткой налить ей кофе.

– Странно, – говорю как можно более безразличным тоном. Еще не хватало, чтобы из-за моей внезапной криворукости Шарлотта заподозрила неладное. – Они вроде в Чикаго живут.

Шарлотта поводит плечом:

– Может, вернулись.

– Ей же хуже. – Я ставлю на стойку безусловно приготовленный кофе. – Прошу!

– Спасибо, Трипп, – мяукает Шарлотта и отходит, не заплатив, – знает, что я сниму деньги с карты Шейна.

Подойдя к столикам, она не берет пальто со свободного стула и не садится, а стоит с выжидающей улыбкой, пока один из парней рядом с Шейном не пересаживается, уступая ей место.

Шарлотта бегаёт за ним с восьмого класса. Раньше, когда они официально стали парочкой, он и сам к ней постоянно лип, зато теперь их неразлучность ему словно в тягость. Вот и сейчас он скривил губы, пока она усаживалась рядом. Секунда – и его лицо озаряется улыбкой. Не знаю, может, я все придумал.

Во всяком случае, спрашивать не намерен. Мы хоть и плотно общаемся уже года четыре, дружба между нами поверхностная. Болтаем о школе, «ТикТоке», спорте или обсуждаем излюбленную тему его подружки: Шейн-и-Шарлотта. Список незатрагиваемых тем куда длиннее и в том числе содержит неписаное правило, по которому мы живём с восьмого класса.

Мы никогда, ни под каким предлогом не говорим о том, что случилось в тот день в лесу.

Трипп. Четыре года назад

Среда, обед давно закончился. Я в березовой роще за школой, в наушниках орет музыка, дыхание в воздухе превращается в пар. Жду Шейна Дельгадо. Почти середина апреля, а день холодный – один из последних отголосков зимы среди едва зазеленевших деревьев. Не уверен, что сейчас самое подходящее время для сбора «коллекции листьев, демонстрирующей разнообразие местной растительности», как это называет мисс Синг. Только мое мнение, похоже, никого не интересует.

При мне папка с тремя кольцами, она явно толще, чем того требует коллекция из двенадцати листьев, – я еще утром собирал несколько в собственном саду и распихал их по прозрачным файлам. Мы в паре с Шейном с прошлого января, и я знаю: всю работу по проекту предстоит делать мне, так что запас не помешает.

Шейн – один из тех ребят в Сент-Амброузе, которые ничего не делают, потому что им не надо беспокоиться о субсидиях. Ему вообще не о чем волноваться. Он до того беспечный, что посреди урока может заснуть в смежной с классом раздевалке. Учителя только посмеиваются, хотя, засни в раздевалке я, со мной никто шутить не станет.

Тупо, конечно, завидовать таким, как Шейн, и все же мне по-настоящему завидно. Сегодня я не прочь поменяться с

ним – да вообще с кем угодно – местами.

Глава 4. Трипп

После смерти мистера Ларкина я впервые оказался в отделении полиции. Сначала мы в панике позвонили родителям – точнее, родителям Шейна, хотя те работали в Бостоне. Мы как-то сразу поняли, что от моего отца в такой ситуации толку будет мало. Предки Дельгадо связались с полицией Стерджиса, те прибыли на парковку Сент-Амброуза, откуда мы проводили агентов к мистеру Ларкину. Дальше все помню очень смутно. Меня не оставляло чувство нереальности происходящего, пока нас не привезли в участок для дачи показаний.

Мой отец подросел как раз вовремя: меня только отсадили в отдельную комнатуху, без Шейна и Шарлотты. Я сразу догадался, что полиция хотела сверить наши показания. Всеми силами отгоняя навязчивый образ мистера Ларкина, я как мог отвечал на вопросы инспектора Патца. Я решил, что он ровесник отца. Впрочем, в то время я почти всем взрослым автоматом приписывал солидный возраст. Особенно тем, у кого намечались залысины. Позже я узнал, что Патцу тогда стукнуло двадцать пять – как мистеру Ларкину.

– Что ты делал в лесу, Трипп?

– Собирал гербарий для проекта по природоведению. Нам велели найти двенадцать видов растений и собрать их ли-

стья.

По прибытии в участок мою папку конфисковали и полчаса спустя вернули.

– Почему ты был там с Шейном и Шарлоттой?

– Мы с Шейном делаем проект в паре, а Шарлотта – его подруга.

– Почему же у них не было с собой папок?

Потому что они знали: всю работу можно повесить на меня. Факт, которым я решил с инспектором не делиться: от деток на субсидиях в Сент-Амброузе ожидают благодарности, а не желчи.

– Они их забыли.

– А где же находилась пара Шарлотты?

Никуда не деться от этой Бринн Галлахер, как ни крути.

– Понятия не имею, – буркнул я, и он больше не настаивал.

– Вы трое все время были вместе? Не теряли друг друга из виду?

Моя мать, прежде чем нас бросить, редко обращалась со мной как с ребенком. Лиза-Мари повесила бытовые вопросы вроде завтраков и сборов в школу на отца. Зато ей нравилось обсуждать в моем присутствии интересующие ее темы. Она говорила не мне, а *при* мне, но я все равно вбирал информацию. Так вот, она любила повторять: «Всем жилось бы лучше, если бы люди вовремя закрывали рот. Поменьше бы болтали. Стоит задать простой вопрос, и получишь в от-

вет целую автобиографию. Кому это надо? Нет чтобы сказать «да» или «нет» – и достаточно. Даже не важно, который из ответов правда».

Я потер указательным пальцем мозоль на большом пальце и сказал:

– Нет.

– Ни на минуту?

– Нет.

– Как вы обнаружили мистера Ларкина?

Вопрос был сложный, и мне понадобилось несколько секунд, чтобы привести мысли в порядок.

– Мы пошли в сторону Шелтон-парка, знаете, место, где наблюдают птиц? Там валялась огромная ветка – в нее то ли молния попала, то ли еще что. Шарлотта сказала, что на ветке должно остаться много листьев. Ну, мы смотрим, а за веткой что-то белое. Оказалось, кроссовка.

– Ты сразу понял, что это кроссовка?

– Нет. Думал, мусор какой-то. Бумажный пакет или что-то типа того. Только когда подошли ближе...

– Насколько близко?

– Не знаю. Достаточно, чтобы разглядеть кроссовку.

– Ну хорошо. А потом?

– Потом мы увидели мистера Ларкина.

Эта часть допроса заняла уйму времени – инспектор Патц, казалось, часами расспрашивал о мистере Ларкине и месте его обнаружения. Сразу ли мы поняли, что он мертв? Прика-

сались ли к нему? Видели или слышали кого-то поблизости?

– Рядом с ним лежал камень. С острыми краями... и на нем – кровь.

– Как ты понял, что это кровь?

– Пятна были красные и... на вид мокрые.

– Ты к нему прикасался?

– Нет, камень поднял Шейн и весь перепачкался в крови.

Даже брюки измазал.

– Зачем надо было поднимать камень?

Я долго не отвечал, тупо глядел перед собой и соображал, что за зверь мог оставить на столе такие ровные четыре царапины. Полиция Стерджиса наверняка поймала какого-то монстра, но тот вырвался и сбежал.

– Не знаю. Я об этом вообще не думал.

– Добавить ничего не хочешь, Трипп?

– Нет. Мне больше нечего добавить.

Когда допрос наконец закончился, инспектор Патц поблагодарил меня и отпустил. Отец позже от кого-то слышал, что наши показания в точности совпали. Нас все жалели: такая травма для ребенка – найти мертвого учителя. Соседи приносили нам с отцом разные гостинцы. Когда четырем годами раньше нас бросила мать, нам такое внимание и не снилось. Видимо, если человек уходит по собственной воле, это не трагедия.

Неделю спустя меня повторно вызвали в полицию.

– Трипп, ты в курсе, что в школе недавно произошла кра-

жа?

Еще бы! В конце марта из учительской пропала крупная сумма, поднялась настоящая шумиха. Несколько недель Бринн в «Дозорном Сент-Амброуза» только об этом и писала.

– В курсе. Украла деньги на поездку восьмиклассников в Нью-Йорк.

– Ты знаешь, сколько там было денег?

– Нет. Думаю, немало. У нас же как: если дети со стипендией поехать не могут, не едет никто.

На этой почве раскол между платниками и стипендиатами в классе превратился в открытую вражду. Руководство Сент-Амброуза изображало, что все ученики равны, на деле же каждый знал свое место.

– Тебе известно, что расследование той кражи возглавлял мистер Ларкин?

– Конечно.

– Трипп, поделюсь с тобой недавно всплывшей информацией. Украденные деньги нашли в шкафчике Шарлотты Холбрук во время обычной пятничной проверки. Что ты на это скажешь?

Сказал бы я им, что ничего «обычного» в проверке не было. Учеников Сент-Амброуза в жизни не обыскивали, тем более копы. Пропавшие деньги к тому времени искали уже недели две, и Гризли был готов на все, лишь бы найти виновного.

Сомневаюсь, однако, что директор представлял себе в этой роли Шарлотту Холбрук. Ей уж точно все сошло бы с рук. Я рассудил, что инспектор Патц вполне способен додуматься до этого сам.

– Я, конечно, удивился.

– Чему именно?

– Что деньги нашли в ее шкафчике. Это она их украла?

Инспектору Патцу мои вопросы явно не нравились. Во всяком случае, отвечать на них он не спешил.

– Ты дружишь с Шарлоттой?

– Нет. – Тогда это было чистой правдой.

– А с Шейном Дельгадо?

– Нет. – Опять правда.

Не помню точно всех вопросов, но в какой-то момент Патц переключился на меня.

– Мы не поленились и поговорили с твоими одноклассниками, Трипп. Все к тебе хорошо относятся. Кроме, может, пары ребят.

– Правда?

Я изобразил удивление, хотя точно знал: он имел в виду Бринн.

Мой отец, который с начала разговора пребывал вроде как в спячке, встрепенулся и упер локти в стол.

– А это здесь при чем? – спросил он. – Мало ли, дети не ладили.

– Конечно, мистер Тэлбот. Я просто хочу лучше понять

вашего сына.

– Он хороший мальчик. Честный, хороший мальчик, который старается вам помочь.

Никакой благодарности за то, что отец за меня вступился, я в тот момент не испытывал. На уме было только одно: скорей бы он заткнулся и нас отпустили.

* * *

Заканчиваю работу в седьмом часу вечера. Прощаюсь с Региной, выхожу из пекарни. Пишу папе: «Что у нас с ужином?»

«Ничего хорошего, – пишет он в ответ. – Так и не успел сегодня за продуктами».

«Взять по дороге что-нибудь у китайцев?»

«Было бы отлично. Я заплачу».

Ага, заплатит. Держи карман шире.

Звоню в «Золотой дворец» и заказываю наше излюбленное: жареный рис с креветками и говядина с брокколи. Эти блюда несравнимо лучше их остального ассортимента. Они там почему-то вымазывают все свои мясные изделия толстым слоем масла и жарят до одурения. Пару лет назад родители Шейна водили нас в «Китайский квартал» – я впервые в жизни отведал настоящей китайской кухни. Помню, одних пельмешек съел тогда столько, сколько вешу сам; оторваться не мог. С тех пор я презираю «Золотой дворец», но что де-

лать, если они готовят быстро, дешево и расположены в двух шагах от дома?

Прохожу мимо «Скобяных товаров Риччи», и, когда равняюсь с мужской парикмахерской «У Мо», дверь приоткрывается. Кто-то безуспешно силится выйти, я хватаю ручку и тяну на себя.

– Здравствуйте, мистер Си! – приветствую я низенького седовласого старичка. В ответ тот всматривается в меня водянистыми глазами.

– Простите? – неуверенно начинает он, затем его лицо проясняется: – А, Ноа! Как поживаешь? – Мистер Соломон до самой пенсии работал садовником в Сент-Амброузе. Прозвищ он не признавал. – Не узнал тебя сразу. Вы, дети, так выросли, уму непостижимо. Совсем уже взрослые.

– Что поделать, – говорю не своим обычным, а эдаким сердечным голосом. Сам не пойму, почему так реагирую на стариков. Особенно на мистера Соломона, который в последнее время сильно сдал. Левой рукой он прижимает к себе красный ящик для рыболовной снасти. Только упаси вас бог спросить, не собрался ли он на рыбалку! Это его портативный банк, он доверху забит мятыми банкнотами. Мистер Си носит его повсюду с собой – в супермаркет, в аптеку. Передать не могу, до чего такие вещи меня расстраивают.

Слышу собственный голос:

– Как чувствует себя ваш сад?

Вопрос дебилный, учитывая, что на дворе январь, но ми-

стер Си так и сияет.

– Переживает не лучшие времена, но я сумел-таки кое-что усовершенствовать.

Дом мистера Соломона стоит на границе между Стерджисом и Стаффордом – гораздо более приятным городком, в котором живет Шейн. Ребенком я воображал, что у садовника есть портал в параллельное измерение, потому что его двор походил на волшебный сад, перенесенный в Новую Англию из другого мира: весь заросший виноградной лозой, фруктовыми деревьями и цветами размером с мою голову.

– Заходи проведать как-нибудь, – продолжает мистер Соломон. – Расскажешь мне за чаем свои новости.

– Обязательно, – заверяю. Надеюсь, он, как и я, понимает, что никто заходить не собирается. – Мне пора, мистер Си, заказ стынет. Дверь уже можно отпустить?

Я все еще придерживаю дверь, а он так и не двинулся с места. Его старческое лицо становится сердитым.

– Так это ж ты не даешь мне пройти, – ворчит он, и я понимаю: минутка ностальгии окончена.

– Виноват.

Я отступаю, пропуская его. Он шаркает мимо и зло косится в мою сторону. Вот опять: я знаю, старик слегка не в себе, но в этом городе я шагу не могу ступить без ощущения, что кому-то мешаю. Поэтому я жду не дождусь, когда отсюда свалю.

В «Золотой дворец» я прихожу слишком рано. Расплачи-

ваюсь, сажусь на банкетку в вестибюле, не заметив, что там уже ждет посетитель. Вдруг слышу:

– Неужели Трипп Тэлбот собственной персоной?

Весь мой скудный запас учтивости израсходован на мистера Соломона, так что я угрюм и неприветлив.

– Здорово, инспектор Патц.

На полицейском парка с подстежкой, шарф и вязаная шапка футбольной команды «Пэтриотс». Волос под шапкой не видно, но меня не обманешь – я достаточно насмотрелся на Патца в городе и знаю, что он бреется наголо, маскируя залысины.

– Заказ забираешь? – спрашивает он.

Нет, просто пришел на их банкетке посидеть.

– Ага, вы тоже? – произношу вслух, я же не идиот.

– Жена от их меню без ума.

– Класс, – бурчу, пытаюсь вспомнить, знал ли я, что Патц женат. Решив, что мне абсолютно все равно, утыкаюсь в телефон. Не успеваю открыть игрушку, чтобы скоротать время, как инспектор заводит разговор:

– Я слышал, Сент-Амброуз задумал мемориальный сад в честь твоего учителя, мистера Ларкина. – Я равнодушно киваю и молчу. Однако он не сдается: – Знаешь, я все еще думаю иногда о том случае. Ты был первым свидетелем, которого я допрашивал по делу об убийстве.

Первым и, скорее всего, последним. Мелких преступлений в Стерджисе хватает, а убийств после мистера Ларкина боль-

ше не было. Такой ответ ему вряд ли понравится, поэтому как можно любезнее мычу:

– Надо же.

– Детей допрашивать непросто, – продолжает он. Чего прицепился? Может, извиниться, что мне тогда было тринадцать? – Не так давно я беседовал с мальчишкой, свидетелем ограбления, так он все время менял показания. То одно скажет, то другое. А то вообще забудет или промолчит о чем-то важном.

В углу вестибюля стоит нагреватель, который шарашит так, что превращает «Золотой дворец» в сауну. Я откидываю волосы со лба и говорю:

– Толку от такого свидетеля.

Инспектор Патц, видимо, тоже перегрелся, потому что стягивает шапку и мнет ее в руках.

– На самом деле для детей это нормально. Я читал, что память у них не так развита, как у взрослых, а кроме того, они легче поддаются влиянию, из-за чего их заявления менее надежны. С тобой все было иначе. Ты повторял свои показания слово в слово.

– У меня хорошая память, – говорю я, буравя глазами девушку за прилавком. Какого черта она столько возится с моим заказом?

– Шейну и Шарлотте с тобой просто повезло, – не умолкает Патц. – То есть повезло, что ты был с ними в лесу. Все могло бы обернуться иначе, найди они учителя вдвоем. Один

из них оставляет отпечатки пальцев, а у другой находят пропавшие деньги – в такой ситуации даже дети так запросто не отделались бы.

– Заказ для Патца, – объявляет девушка за прилавком.

Инспектор не двигается с места, поэтому я повторяю:

– Ваш заказ.

Патц по-прежнему не проявляет признаков жизни. Изучает противоположную стену, брови сошлись на переносице – вроде как в глубокой задумчивости. Я чуть не повелся, да вовремя уловил его взгляд на своем отражении в окне.

– Но с ними был ты. Друзьями вы не были – я расспросил ваших одноклассников, и все это подтвердили. Даже те, кто тебя не жаловал. – *Бринн, чтоб ее.* – Как партнеры по проекту вы с Шейном не ладили, а с Шарлоттой ты вообще словом не обмолвился до того, как она увязалась за вами в лес. У тебя не было ни малейшего повода их покрывать.

– Точно. – Я тру большой палец. Знал же, что мемориальный сад выйдет боком, и вот пожалуйста. Уже и заказ у китайцев не забрать по-человечески. – С какой стати?

– Заказ для Патца, – повторяет девушка за прилавком.

– Это я, спасибо. – Инспектор наконец поднимается с банкетки.

Я расслабляю плечи, надеясь, что допрос окончен. Увы, прежде чем двинуться к прилавку, Патц устремляет на меня прощальный подозрительный взгляд.

– Именно этот вопрос и не дает мне покоя, – медленно

произносит он. – С какой стати?

Он натягивает шапку и берет свой заказ.

– До свидания, Трипп. Приятного ужина.

Глава 5. Бринн

– Соскучился, наверное, по веселой утренней кутерьме в доме? – Я переступаю через вытянутые ноги дяди Ника на пути к кофейнику.

Вторник после Нового года, мы в нашей тесной кухне.

Дядя зевает и почесывает рыжеватую щетину на подбородке. Побриться не успел – Элли оккупировала ванную. Мы вернулись в Стерджис три недели назад, но сегодня первый учебный день, поэтому все члены семьи встали по будильнику и одновременно начали собираться.

– Не соскучился. Вы что, за ночь размножились? Готов поклясться, вчера вас было две, а сегодня утром в мою ванную рвались как минимум четыре девочки.

– Нашу ванную, – напоминаю я, выливая в чашку остатки кофе. Поворачиваюсь к холодильнику и упираюсь в выставленную вперед руку.

– Ты, надеюсь, не замышляешь улизнуть, не сделав новый кофе? – Дядя пытается говорить строго, но выходит смешно. Он поправляет съехавшие на нос очки а-ля Бадди Холли и добавляет: – В доме существуют правила.

Я увертываюсь, открываю холодильник и достаю сливки.

– Твои правила не для меня, милый дядюшка.

– Тогда и мой кофе не для тебя, дражайшая племянница.

Давай сюда.

– Поздно. – Опрокидываю хорошую порцию сливок в чашку. – Он отравлен лактозой.

– За что мне такое наказание! – говорит дядя и страдальчески вздыхает.

Показываю ему язык и бегу наверх одеваться.

Дядя Ник старше меня всего на семь лет, я всю жизнь относилась к нему скорее как к брату. Мой дед и его вторая жена – мама дяди – уехали жить в Коста-Рику, когда Ник учился в колледже, поэтому он переехал к нам. Годом позже мы отбыли в Чикаго, и родители предложили Нику остаться, а заодно и присматривать за домом: вдруг он нам опять понадобится.

По большей части все остались довольны, если не считать того, что папа часами висел на телефоне, попеременно накачивая сводного брата указаниями относительно колледжа и ухода за домом. Ник по-прежнему не определился со специальностью. Он перепробовал программирование, кинематографию, общественно-политические науки, а в конце концов получил бухгалтерский диплом, который ему не пригодился, так как быстро выяснилось, что бухгалтерию он ненавидит. Сейчас дядя в педагогической магистратуре – что, по моему, у него здорово получается. Во время учебы в колледже он даже подрабатывал в Сент-Амброузе ассистентом – и все равно папа никак с него не слезет.

«Когда же ты наконец начнешь зарабатывать?» – спросил он дядю Ника на прошлой неделе. Я обожаю отца, но порой

в нем просыпается упертость закоренелого ученого. Не понимает, что слышать, как он отчитывает человека, который, видите ли, к двадцати четырем годам не распланировал всю свою жизнь, мягко говоря, неприятно.

Дядя Ник изо всех сил пытается с нами ужиться, однако, боюсь, долго не протянет. Уход дяди станет еще одним ударом по этому дому. Я и забыла, какой тут холод и сквозняки зимой, какие маленькие шкафы, а электропроводка вообще не рассчитана на потребности двадцать первого века. Всякий раз при виде количества гаджетов, заряжающихся от одной хилой розетки, я боюсь, что в доме вылетят все пробки.

Сегодня, похоже, пронесло: на моем ноутбуке до сих пор открыт веб-сайт Сент-Амброуза. Я залогинилась накануне, чтобы посмотреть расписание уроков, и меня затянуло в кроличью нору фотографий 2017 и 2018 годов, когда у нас преподавал мистер Ларкин. После его смерти полиция опросила всех учителей и сотрудников школы. Оно и понятно: в последний раз живым мистера Ларкина видели в классе, а труп нашли в лесу за Сент-Амброузом. Даже дяде Нику, скромному стажеру-ассистенту, пришлось давать показания, хотя никого из коллег мистера Ларкина по-настоящему не подозревали. Во всяком случае, не больше, чем Шейна, Шарлотту или Триппа.

– «Вместе сильнее», – бормочу я, рассматривая фотографию директора Грисуэлла под лозунгом школы. – Не факт.
– Что не факт?

За спиной вырисовывается Элли с полотенцем на голове. Вопрос был явно риторическим, потому что за ним тут же следует другой:

– У тебя есть белая футболка? Школьные рубашки жутко просвечивают, а у меня из чистых остался только черный лифчик. Эта школа еще не заслужила право его лицезреть.

Встаю и шарю у себя на полке.

– Ты, смотрю, тоже соскучилась по родной школе.

Достаю футболку и сую в руки сестре.

– Тебе-то в Сент-Амброузе всего пять месяцев осталось досидеть. А у меня впереди годы!

– Может, папу обратно переведут?

Сестра вздыхает:

– Мечтать не вредно.

Из моей неубранной постели раздается жужжание. На ощупь нахожу телефон и читаю сообщение от Мэйсона: «Готова? Жду не дождусь».

Улыбаюсь с облегчением и посылаю в ответ сердечко. В школе не осталось почти никого из моих бывших друзей, кроме Мэйсона Рафферти и Нади Эймин. Мы уже пили вместе кофе в прошлые выходные, с ними по-прежнему легко и весело. Этого вполне хватит, чтобы пережить грядущий семестр.

Элли права: подумаешь, каких-то пять месяцев. Только если все время общаться с собственной младшей сестрой, пять месяцев могут показаться вечностью. И это на фоне ла-

вины ностальгических постов моих чикагских друзей: «Ну вот, последние зимние каникулы! Скоро наш последний сезон по софтбоулу! Кто не прочь рвануть на Великие озера на День Мартина Лютера Кинга? Записывайтесь на поездку перед выпускным!» Иззи, Джексон, Оливия, Санджей и Квентин продолжают жить как ни в чем не бывало, будто меня не вырвали с корнем из нашей неразлучной шестерки.

Я не обижаюсь. Они не виноваты, что мне пришлось уехать, и я не жду, что теперь все объявят траур и перестанут веселиться. Хотя от них не ubyло бы, черкни мне кто-нибудь: «Скучаю». Особенно Квентин, который пригласил меня на свидание, а как только узнал о моем возвращении в Стерджис, сразу пошел на попятный.

«Кому нужна романтика на расстоянии, правда?» – сказал он.

Справедливое замечание, только уверенности в себе не прибавляет.

Переодеваюсь в форму Сент-Амброуза, и мой золотой браслетик цепляется за клетчатую шерстяную юбку. Этот браслет в старших классах носила мама, на нем такие необычные висюльки: колибри, черепушка, клевер, звездочка и снеговик.

– Форма, как всегда, из самой дешевой ткани, – ворчу я, приглаживая вылезшую из юбки нитку.

– И, как всегда, самая уродская. – Элли разматывает полотенце и тянется за моим феном. – Тебе повезло, что себе-

седование в «Мотиве» не назначили сразу после школы. В таком виде с тобой никто бы и разговаривать не стал.

– Не сомневаюсь.

Снимаю с вешалки пиджак. Элли включает фен и, перекрикивая шум, спрашивает:

– Так ты посветишь одноклассников в то, что шпионишь за ними ради стажировки?

Окидываю себя в зеркале критическим взглядом. Мы с Элли похожи, как двойняшки: ростом не вышли, зато худые, с веснушками и непослушными рыже-каштановыми волосами, которые вечно надо распрямлять. Разные у нас только глаза: у нее карие, как у мамы, а у меня зеленые. А еще с размазанной тушью, так что я наклоняюсь вперед и поправляю макияж.

– Я ни за кем не собираюсь шпионить, – уточняю я. – Только наблюдать.

То же самое я сказала родителям, которые страшно радовались известию о стажировке в «Мотиве», пока я не сообщила, что Карли заинтересовалась убийством мистера Ларкина.

«Мы не хотим лишать тебя возможностей, Бринн, – сказала мама. – Особенно учитывая всякие... обстоятельства. – Дикпики остаются больной темой за семейным столом. – Но твои действия могут оказаться чреватые. Если по делу мистера Ларкина снимут документальный сериал, это сильно подпортит жизнь тем, кто имеет отношение к Сент-Амброузу.

В том числе тебе».

«Моя уже и так подпорчена», – напомнила я маме.

Им легко говорить. Папа всю жизнь проработал в одной и той же биотехнологической фирме и продолжает общаться все с теми же коллегами. Мама, как иллюстратор, всегда работала из дома. Здесь большинство нашей родни и все их старые друзья. Никого из них не выгоняли из газеты, не заносили в списки не прошедших в колледж и не песочили на *BuzzFeed*.

«Тем более что Карли ничего не обещала. Она просто согласилась подумать», – успокоила я.

В конце концов родители дали мне свое благословение и разрешили стажироваться в «Мотиве» при условии, что я не буду, как выразился папа, «делиться неэтичной информацией». Ясно, что он имел в виду «об учениках», а не «с учениками» Сент-Амброуза. Я и не думала ничем делиться с чужими, по сути, людьми, которых через пять месяцев больше не увижу.

– Значит, не посветишь? – уточняет Элли, выключая фен. Она берет у меня с тумбочки резинку и затягивает еще влажные волосы в небрежный пучок. Распрямлять их сегодня некогда. – Будешь держать всех в неведении?

– Однозначно, – подтверждаю я.

– Конспирация, – хихикает сестра. – Одобряю.

Глава 6. Бринн

Школа ничуть не изменилась. Красное кирпичное здание с белыми колоннами. Вокруг тщательно ухоженный газон и железная ограда, отделяющая территорию школы от сбегających по склону домишек, которыми усеяна округа. Я паркую свой «Фольксваген» на единственном свободном месте за главным корпусом. В гипотетическом рейтинге машин на стоянке он находится точно посередине между новехоньким «БМВ» и насмерть проржавевшим старьем, у которого и марки-то не разглядеть.

У лестницы перед черным входом курит группа ребят.

– Найди себе крутого бойфренда на пять месяцев, – нашептывает Элли, когда мы подходим ближе. – И развесь его в соцсетях – пусть Квентин подавится.

– Отличная мысль. Нырну с головой в котел знакомств Сент-Амброуза, – отзываюсь я сухо. – Только и ты подыщи себе новую подружку.

– Я сама отшила предыдущую! – зло шипит Элли. – Меня не бросали, и мне не перед кем выпендриваться.

Когда мы проходим мимо, один из парней – здоровенный бугай с коротко стриженными волосами и щетиной на подбородке – поднимает голову. Пристально на нас смотрит, потом толкает локтем приятеля.

– Глянь-ка, новые девчонки, – говорит он, затем обраща-

ется ко мне: – Привет, красотка. Ты элита или плебс?

Я замираю на первой ступеньке:

– Не поняла?

– Ты элита или плебс? – повторяет он, откровенно сканируя меня взглядом. Слава богу, на мне пальто.

– Все еще не понимаю, – говорю я и решительно поднимаюсь по ступенькам.

– Элита, – заключает один из парней, и все дружно заливаются смехом.

– Что за фигня, – цежу сквозь зубы и открываю перед Элли дверь.

– По-моему, он ничего, – ехидничает сестра и проскальзывает внутрь. – Я бы присмотрелась.

В коридорах школы столпотворение. Мы с Элли отмечаемся в секретариате, получаем номера шкафчиков, расписание уроков и схему расположения классов, хотя знаем здесь каждый угол.

– Желаю приятного знакомства со школой, – говорит неизвестная мне администраторша. Наши документы она явно не читала.

– Ну что, разделяемся и ищем шкафчики или тащим пальто с собой на собрание? – спрашиваю я, когда мы вливаемся в поток учеников в коридоре. Все в темно-синих блейзерах с золотыми пуговицами и гербом Сент-Амброуза на левом нагрудном кармане: «Вместе сильнее».

– Пальто с собой, – отвечает сестра и вцепляется мне в

руку, проявляя нехарактерную для нее уязвимость.

То и дело мелькают знакомые лица, словно искаженные в каком-то кривом зеркале: все здорово изменились, и пока я силюсь вспомнить их имена, они исчезают. От мельтешения тел кружится голова, я заворачиваю за угол и врезаюсь в мгновенно и безошибочно узнаваемую личность.

– Ай! – Шарлотта Холбрук останавливается как вкопанная. – Значит, все-таки ты.

– В смысле? – не понимаю я.

Шарлотта, как всегда, неотразима. Голубые глаза, фарфоровая кожа, идеальные скулы. Вместо положенной в Сент-Амброузе белой оксфордской рубашки на ней блузка с легким кружевом на воротнике – изящное дополнение к жемчужного цвета повязке на блестящих каштановых волосах. В Шарлотте Холбрук все рассчитано на контраст с блеклостью, заурядностью и невзыскательностью простых смертных.

– Бринн Галлахер, – объявляет она, будто я нуждаюсь в представлении. – Я видела твое имя в списке класса, но не знала, ты это или просто тезка. – Пока я повторяю в голове ее слова, она с улыбкой добавляет: – С возвращением! – и проходит мимо.

Странно, что Шарлотта движется не в том направлении. Оборачиваюсь и вижу, как она бросается на шею темноволосяму парню. Если это Шейн Дельгадо, ей наконец удалось захомутать его.

– Не представляю, как можно жить с таким лицом... –

шепчет Элли. Сине-клетчатая волна вносит нас в зал.

– Бринн!

У самой сцены, во втором ряду, стоит Мэйсон Рафферти и машет нам рукой. Он по-прежнему на голову выше большинства наших одноклассников – непомерно высокий, как он сам говорит, – у него отросшие темные кудри и щербатая улыбка. Он приставляет ладонь ко рту и перекрикивает гул зала:

– Мы тебе место заняли.

Расталкиваю толпу, радуясь ощущению причастности, и протискиваюсь к нему и сидящей рядом Наде.

– А для Элли место найдется? – спрашиваю.

– Конечно, – отвечает Мэйсон и берет разложенное на свободных стульях пальто. – Привет, Элеонора. Рад тебя видеть. Ты все еще терзаешь флейту?

– Привет, Мэйсон. Не уверена, кто кого терзает, но все еще играю.

Оба радостно улыбаются. Они всегда хорошо ладили – рыбака рыбака, как говорит Элли. Когда мы переехали в Чикаго, ей было десять лет и о своих предпочтениях она не ведала. Однако с Мэйсоном всегда чувствовала себя более комфортно, чем с другими.

Сестра переходит к обмену новостями, а я подсаживаюсь к Наде.

– Как тебе на старом месте? – спрашивает та с легким британским акцентом.

Надя родилась в Англии. В десять лет переехала в Америку, после того как ее родители погибли в автомобильной катастрофе, и живет у тети с дядей. У них шикарно отреставрированный колониальный дом в Стаффорде, но не знаю, чувствует ли себя Надя там как дома.

– По-твоему, школа изменилась? – продолжает она.

– Не особо, – говорю. – Только что такое «плебс»?

– Хлебс? – озадаченно переспрашивает Надя.

Рядом усаживается Мэйсон, кладет себе на колени пальто и вытягивает длинные ноги под впередистоящий стул.

– Нет, *плебс*, – поправляю я, невольно хмурясь при воспоминании. – Какие-то парни у входа спросили нас с Элли, мы элита или плебс.

– А-а, – тянет Надя и закатывает глаза. – Смотрю, ты уже познакомилась с нашим растущим «классовым» расколом.

Элли выглядывает из-за Мэйсона.

– И что, теперь все друг друга так называют? – поражается она.

– Нет, конечно. – Надя отводит прядь ровно подстриженных волос. – Просто Сент-Амброуз стал более... поляризованным. Требования для получения субсидий смягчили, так что теперь в старших классах больше ребят из округи, не особо настроенных учиться. Вот они и противопоставляют себя платникам.

– Элите то есть. – Я перевожу недоумевающий взгляд с Нади на Мэйсона и обратно. – И к какому же разряду отно-

ситесь вы?

Надя из довольно обеспеченной, но далеко не богатой семьи, а Мэйсон живет на соседней улице в Стерджисе и всю жизнь учился здесь на субсидию.

– Мы как Швейцария, – заявляет подруга, – сохраняем нейтралитет и считаем раскол полной дурью. Только смотри не проболтайся об этом Колину Джеффрису. – Следую за ее взглядом и вижу в конце зала того самого парня, который приставал к нам у лестницы. – А то он не сможет изображать из себя мученика, незаслуженно притесняемого властью имущими.

– А кто у нас власть имущие?

Надя кивает в сторону дверей:

– Вон троица с вершины мира.

Представшая моим глазам картина не удивляет. Я знала, что увижу Шарлотту. Она ступает как королева под руку с красивым парнем, не оставляющим сомнений в том, что он – Шейн Дельгадо. Слева от нее высокий широкоплечий блондин, которого я непременно приняла бы за очередного избалованного судьбой принца, если бы не просиживала часами в его доме, обставленном в стиле семидесятых.

– С каких это пор Трипп Тэлбот заделался элитой?

Прикусываю губу, сообразив, что, узнав его сразу, выдала себя с головой.

Мэйсон понимающе усмехается:

– Трипп причислен к элите за компанию. Правила бес-

смысленные, но такова логика парий.

– Как я рада, что вернулась, – бурчу и плюхаюсь обратно на стул.

В это время на сцену поднимается директор школы мистер Грисуэлл. Рядом с подиумом – покрытый тканью мольберт. Директор берет стоящий перед ним стакан с водой и не спеша пьет.

– Его-то хоть не переименовали? – спрашивает Элли.

– Гризли? Ну нет! – отзывается Мэйсон.

Мистер Грисуэлл окончательно поседел, а в остальном ни капельки не изменился: безупречный костюм, под пиджаком шерстяная жилетка, здоровый загар в любое время года. Директор невысок, но импозантен.

– Приветствую, Сент-Амброуз! – произносит Гризли, наклонившись к микрофону. Аудитория притихает. – Надеюсь, вы отлично отдохнули и запаслись энергией на новый семестр. Для нас большая радость видеть всех снова вместе, потому что мы, как известно, вместе сильнее.

Я отключаюсь и начинаю глазеть по сторонам. Узнаю знакомые детали, подмечаю перемены. Высокий потолок украшают новые полосатые вымпелы баскетбольной команды, скучный серый занавес на сцене заменен на сочный синий бархат, и даже стулья, похоже, обиты заново. Вспоминаю полузабытые лица. Вот Кати Кристо, с которой мы дружили, пока она не начала обзывать меня Трилипалой. Естественно, после выходки Триппа на физкультуре. А вот Мартина Зи-

лински – она отличница и наверняка в конце года выступит с прощальной речью. Ну и Паван Дешпанде – мой первый поцелуй в седьмом классе за лабораторным корпусом.

– И последнее. – Я заставляю себя сосредоточиться на словах Гризли. Его голос утопает в нарастающем гуле быстро теряющего интерес зала. – В этом семестре мы отмечаем печальную годовщину в истории школы. Почти четыре года назад погиб учитель восьмого класса Уильям Ларкин. В память о его самоотверженной работе и богатом академическом наследии мы планируем создать мемориальный сад. Наша завуч мисс Келсо возглавляет комитет, который ближе к весне займется реализацией плана, и призывает принять участие в проекте всех, у кого есть время.

Выпрямляюсь на стуле. Комитет по созданию мемориального сада? То что надо! Идеальная возможность собирать информацию о мистере Ларкине, не вызывая подозрений.

Элли опять высовывается из-за Мэйсона и шепчет:

– У тебя же есть время, правда?

– Заткнись, – цежу сквозь зубы.

Мэйсон косится на меня с любопытством, а Гризли на сцене показывает на мольберт.

– Следуя давней школьной традиции, мы заказали портрет мистера Ларкина для галереи почетных преподавателей в административном корпусе. – Директор подходит к мольберту. – Сегодня я с огромным удовольствием представляю вам этот портрет.

Он театральным жестом откидывает ткань с мольберта и застывает под испуганный вздох зала.

– Что за?.. – Надя подается вперед, щурится. – Что там сказано?

Я всегда отличалась хорошим зрением.

– «Подонок», – читаю ярко-красные буквы поперек лица и вечного лимонного галстука мистера Ларкина.

– Кошмар! – ахает Надя. – У кого только рука поднялась?

Гризли пытается успокоить публику громкими заверениями, что ответственного за этот бесчестный поступок найдут и накажут. Мэйсон сидит бледный – похоже, ему физически плохо, и я вспоминаю, как он боготворил мистера Ларкина.

Элли поправляет выбившийся из пучка локон и не спускает глаз со сцены, где взволнованно кричащий Гризли водворяет ткань на место.

– Добро пожаловать в Сент-Амброуз, – мрачно произносит сестра. – Контингент – проблемный.

Глава 7. Трипп

Среда, шесть утра. Я еле глаза продрал, голова трещит, душа просит одного: снова уснуть. Усилием воли заставляю себя откинуть одеяло и выползти из кровати. Больше бега я ненавижу только состояние, когда не бегаю.

Быстро одеваюсь, выдираю телефон из зарядки и шарю по комоду в поисках наушников. Безуспешно. Их нет ни на письменном столе, ни под ним. Хватаю кроссовки и бегу в гостиную по ворсистому зеленому ковру. У нас двухэтажный дом, который отец унаследовал от своих родителей и который после семидесятых не ремонтировался. Перед тем как уйти, мать сорвала аляповатые обои в цветочек и выкрасила стены в темные тона. До сих пор помню, как она стоит посередине столовой: в руке щетка, взгляд скользит по не оправдавшим надежд стенам.

«И так не лучше», – заключает она.

Я уже тогда понимал, что речь не о стенах.

До ковровина дело, слава богу, не дошло. Он страшный, но теплоизолирующий, что особенно важно, когда термостат дальше восемнадцати градусов не поворачивается.

На подходе к кухне замедляю шаг и зеваю так, что трещит челюсть. В нос ударяет запах горелого кофе, которого быть не должно, ведь я единственный, кто...

– Уже встал? – доносится из кухни.

От неожиданности я роняю телефон. Он ударяет по пальцу ноги, и я наклоняюсь, корчась от боли.

– Черт, пап, напугал! Что ты тут делаешь?

На отце футболка с надписью «Peacked in High School»¹, подаренная в шутку одним из его дружков. Наверное, тот факт, что он ее до сих пор носит, достоин уважения. В моем возрасте папа был местной звездой футбола – играл достаточно хорошо, чтобы стать гордостью школы, но не настолько, чтобы его потом взяли в футбольный клуб.

Папа ерошит густые волосы с сединой, отпивает кофе.

– Я тут живу, забыл?

Замечаю провод от наушников под связкой ключей на столе. Она у отца огромная – из-за кучи разных висюлек, которые он зовет амулетами. В детстве я любил их успокаивающий перезвон. Плюс тогда еще верил в удачу, не то что сейчас. Вытаскиваю наушники, стараясь не смотреть на амулеты.

– Ты чего так рано встал? – спрашиваю, ковыляя в кухню.

Папа работает ночным сторожем в городской больнице и возвращается домой под утро, за час до моего будильника. Днем он спит, поэтому видимся мы только вечерами.

– У меня скоро смена в «Сделай сам», – отвечает он зевая. – Смысла нет ложиться.

– Сразу после ночной в больнице? С какого перепуга?

¹ Слово «reacked» можно перевести с англ. как «достигший пика», так и «изможденный». – (Примеч. ред.)

Обычно отец работает в магазине хозяйственных товаров по выходным специально, чтобы избежать подобных марафонов.

– Машине нужна новая коробочка передач, – вздыхает он.

Так и живем. Отец вкалывает, хотя ни одна работа не приносит ни дохода, ни стабильности. Его увольнениям я уже счет потерял. Правда, надо отдать ему должное: он не опускает рук и в последний момент всегда где-нибудь что-нибудь да находит. С другой стороны, порядком надоело каждый месяц выбирать, какие из счетов оплатить.

Впрочем, мы на эту тему не разговариваем. Мы вообще о многом не говорим.

– Я побежал, – бросаю, на ходу вставляя в уши наушники. – Пока.

Ответ отца тонет в первых аккордах Rage Against the Machine, я натягиваю на голову капюшон и толкаю дверь.

Ноги сами несут меня по знакомому маршруту – вниз по нашей улице, полмили до городской школы Стерджиса, где учился отец, – и выводят налево, на Мэйн-стрит. Это лучшая часть города. Здесь полно старых викторианских домов, которые, даже обшарпанные, смотрятся классно. После поворота я неизменно увеличиваю темп, пока в конце улицы не достигаю предела, на котором могу продолжать бег, не испытывая сильного дискомфорта. Мышцы наливаются, они приятно напряжены, эндорфины текут по венам и наполняют тело пьянящим ощущением счастья.

Ради этого я бегаю. Ничто не дает мне того же ощущения.

В этот час на Мэйн-стрит все закрыто, даже «Луч света». Вокруг тихо и безлюдно. Я подбегаю к переходу и боковым зрением замечаю приближающуюся слева машину. Не сбавляю скорости, зная, что водитель обязан уступить дорогу. Однако тот давит на газ и пронесется по зебре прямо у меня перед носом.

– Козел, – цежу я сквозь зубы, отпрыгивая на тротуар.

Внезапно меня как током пробивает. Я мельком успеваю засечь водителя и не верю своим глазам. Нет, показалось. На незнакомом мне седане неопределенного серого цвета номер Нью-Джерси.

Быть не может.

Я бегу дальше и заворачиваю на Проспект-Хилл. Преодолеваю подъем; сердце учащенно бьется, легкие начинают жечь. В ушах грохочет музыка, подгоняя вперед, несмотря на то что все во мне сопротивляется. Песню прерывает сигнал сообщения на телефоне.

Не в моих правилах отвлекаться во время самой напряженной части пробежки. Только из-за видения в серой машине не могу удержаться – больше в такую рань писать некому. Резко останавливаюсь, пытаюсь отдышаться и готовлю себя к тому, что сейчас увижу.

Сообщение на экране оказывается намного страшнее, чем я предполагал. Отправлено с неизвестного номера и содержит одно лишь слово: «Убийца».

Глава 8. Трипп

– Что за свинство? – возмущается за обедом Шарлотта, угрожающе размахивая телефоном. – Какой кретин так забавляется?

– Да брось ты, тупая шутка. – Шейн откидывается на спинку стула и кладет руку подруге на плечо. Та слишком потрясена и на него даже не реагирует. – Просто из-за бузы с портретом у людей крыша поехала.

– Тогда пусть хотя бы определятся, на кого нападать, – зло шипит Шарлотта, – на мистера Ларкина или на нас! Тут одно из двух – либо мы убийцы, либо он подонок, так ведь?

– Не ищи в этом логику, – говорю я как можно беззаботнее. Знай она, насколько то сообщение выбило меня из колеи, у нее совсем бы крышу снесло. Правда, известие о том, что они оба получили такие же, меня немного успокоило. Как-то приятнее быть не единственной мишенью.

– Ненавижу голословные обвинения. – Шарлотта швыряет телефон на стол и скрещивает руки на груди. – С меня хватит. – Мы с Шейном непонимающе хлопаем глазами, и она раздраженно добавляет: – Забыли? Деньги на поездку в Нью-Йорк? Меня обозвали воровкой!

– Да никто ж не поверил, – успокаивает Шейн.

Шарлотта явно настроена спорить, так что я быстро меняю тему:

– Интересно, а откуда у отправителя наши номера?

Шейн пожимает плечами.

– Школьная картотека? Все телефонные номера в секретариате. Ничего сложного.

– Значит, кто-то из школы. – Шарлотта щурится и обводит взглядом столовую. – Не иначе как плебс.

– Да ладно тебе. Не накручивай, – говорю.

Меня коробит от слова «плебс». И не только потому, что термин принадлежит Колину Джеффрису, который живет на соседней улице в Стерджисе. Если в Сент-Амброузе и есть *плебс*, то это я. Шейн и Шарлотта так не думают, потому что никогда не бывали у нас дома. Всякий раз, когда мы куда-то едем вместе, я договариваюсь с ними у школы. Когда мы в восьмом классе сдружились, я как придурок постеснялся показать им, где живу. С тех пор так и повелось.

Глупо, конечно. И немного странно, что друзья сами никогда не настаивали.

– Так, ребят, замяли, – шепчет Шейн, когда к столу начинает подсаживаться народ.

Рядом со мной ставит поднос Абби Лью и уже наполовину садится, как вдруг с досадой выпрямляется:

– Вот черт, забыла взять напиток. Кому-то еще захватить?

– Можешь принести мне другое яблоко? – просит Шарлотта, брезгливо косясь на лежащее перед ней. – На моем вмятина.

Яблоко совершенно ровное, только эта принцесса на го-

рошине где угодно найдет изъян.

– Без проблем, – говорит Абби, накручивая на палец блестящие собранные в хвостик волосы. – А тебе, Трипп?

– Мне не надо, спасибо.

Шарлотта провожает Абби взглядом, затем хитро косится на меня:

– Ты ей нравишься.

– Ага, – усмехаюсь я. – Ты так про всех говоришь.

– А я виновата, что девчонки на тебя западают? – Шарлотта откидывает волосы за плечо, всем видом показывая: «Кроме меня». Похоже, от сообщения про «убийцу» она на время отвлеклась. – Кстати, пора бы уж обзавестись подружкой, сколько можно грустить в одиночестве?

– Нафиг ему подруга? – встречает Шейн и тут же замирает под суровым взглядом Шарлотты. – В смысле, пусть делает что хочет. Ты же знаешь, Триппу стоит только пальцем поманить.

– Не будь дикарем, – фыркает Шарлотта, обводя глазами соседние столы. В какой-то момент ее лицо принимает задумчивое выражение. – Гм... Бринн Галлахер похорошела, ты не находишь?

Пропускаю вопрос мимо ушей. Странно: Шарлотта вроде бы самая красивая девочка в школе, а попробуй понять почему. То есть выглядит она, конечно, круто, но лично я затрудняюсь выделить что-то особенное. Другое дело Бринн, в ней все особенное: зеленые глаза, рассыпанные по лицу вес-

нушки, волосы цвета бронзы... Вовремя одергиваю себя и громко сообщаю:

– Вот и Абби с твоим яблоком.

Шарлотта с улыбкой принимает подношение. Покрутив яблоко в руках, она надувает губы и кладет его рядом с первым.

– На этом тоже вмятина. Все равно спасибо.

Не могу ручаться за то, что бормочет себе под нос Шейн, но очень похоже на «ни хрена не угодишь».

* * *

После уроков я иду в оранжерею Сент-Амброуза и встаю в конец очереди из малознакомых детей, ожидающих мисс Келсо. Регина может и уволить, если я не запишусь в этот долбаный комитет по устройству мемориального сада.

Общаться мне тут не с кем, так что стою и прокручиваю телефон. Слово «убийца» так и не удалил – надеюсь обнаружить какой-нибудь намек на личность отправителя? Хотя бесполезно, номер скрытый. Только собираюсь стереть сообщение, как на экране всплывает другое, на этот раз со знакомого номера.

Лиза-Мари: «Все еще бегаешь по утрам, Трей?»

На мгновение закрываю глаза. *Трей*. Матери зачем-то понадобилось выдумать для меня свое, особенное прозвище. Значит, я утром не ошибся насчет водителя серого седана.

День с каждой минутой становится радужнее.

Новое сообщение снова обращает мое внимание на экран телефона.

«Выпьем кофе после школы? Я засекала симпатичную кафешку на Мэйн-стрит».

То есть кофейню, где я работаю? Почти напечатав ответ, передумываю и стираю. Матери наверняка по барабану, где я работаю. И потом, я вовсе не обязан отвечать каждый раз, когда ей вздумается прошвырнуться по улицам Стерджиса. Ей ведь не пришло в голову предупредить меня о приезде, как поступают нормальные люди. Лиза-Мари считает, что таким образом привносит яркую искру в тусклую жизнь, которую оставила позади.

Меня же от ее выходов реально тошнит.

– Всем здравствуйте! Простите, задержалась. – В оранжевую вбегает запыхавшаяся мисс Келсо с кучей папок в руках; за ней – еще несколько учеников. – Как вас много! Спасибо, что решили принять участие в таком важном проекте.

Она открывает верхнюю папку, достает стопку скрепленных бумаг и протягивает ближайшему ученику:

– Берем по одному и передаем дальше. Я набросала план работ, как я его себе представляю, но буду рада любым предложениям. – Тут ее взгляд останавливается на мне, и лицо проясняется. – Трипп, ты все-таки пришел! Очень рада, что ты с нами.

– А как же иначе, – бормочу я, прячу голову в плечи и

беру распечатку. Ни на кого не глядя, передаю стопку дальше. Меня уже достали любопытные взгляды в своей адрес – разумеется, ученик, нашедший мистера Ларкина...

– Думаю действовать поэтапно, – продолжает мисс Келсо. – Сначала составим план: какие растения посадить, может, скамейки поставить или мемориальную доску. В пределах бюджета, разумеется. После этого...

В оранжерее жарко, я расстегиваю молнию на куртке и озираюсь по сторонам. По-моему, зелени перебор. Мне не по себе в окружении растительности с того самого дня в лесу.

Стоп. Об этом не думать.

Обычно, едва воспоминания всплывают на поверхность, я заталкиваю их обратно. Сегодня трюк не срабатывает – то ли из-за духоты, то ли из-за буйных зарослей мысли не слушаются. На мгновение реальность пропадает; вокруг меня деревья со скрюченными стволами, они тянут ко мне ветки, заслоняя солнце. Я слышу крик, мысли разбегаются, а мне необходимо сосредоточиться.

– Трипп?

Моргаю, и зрение постепенно возвращается. Мисс Келсо смотрит на меня в упор, значит, и все остальные тоже.

– Что скажешь? – спрашивает она. – Ты не против возглавить подкомитет?

Черт. Какой подкомитет? Во что я влип? Надо срочно смириться с тем, что грант Кендрика достанется не мне, а Мартине Зилински, делать ноги из этого зеленого ада и дер-

жаться от него подальше. Проблема только в Регине – она меня либо уволит, либо убьет. Скорее всего, и то и другое.

– Не против, – бурчу я, упирая взгляд в бумаги. Буквы пляшут перед глазами, я не могу прочесть ни слова.

– Прекрасно, – заключает мисс Келсо. – Из вас получится отличная команда.

Команда? Завуч улыбается кому-то слева от меня – кому я только что передал бумаги. Поворачиваю голову и упираюсь в зеленые глаза Бринн Галлахер.

– Привет, напарник, – говорит она.

Глава 9. Бринн

– Бринн, вопрос: сколько убийств числится за Патти Ларуссо?

– Э-э. – Отрываю глаза от таблицы на экране. В дверном проеме – помощница продюсера «Мотива» Линдзи Белл в выжидающей позе. – Патти проходила по трем преступлениям, одно из которых сочли самоубийством. Так что формально два.

Идет третья неделя стажировки, и пока что я прихожу «когда смогу», как выражается Линдзи. Она моя непосредственная начальница, большую часть времени я провожу в так называемой Яме – помещении без окон, где за длинным столом сидят с десяток ассистентов с ноутбуками. Я занимаюсь мелочовкой вроде составления каталога серийных убийц женского пола.

Линдзи качает головой, пепельные кудряшки подпрыгивают вокруг ее веснушчатого лица. Ей около тридцати. Одевается, будто только что с занятий йогой для богачей, на которые принято приходить в лучших украшениях. Она закатывает рукава облегающего топа с запахом.

– Удаляй ее. Двух убийств для шоу мало.

– Нефиг бездельничать, Патти, – бормочет долговязый хипстер по имени Гедеон на соседнем стуле, пока я послушно удаляю Ларуссо из таблицы.

Линдзи пропускает его реплику мимо ушей и продолжает смотреть на меня:

– Еще я хотела поговорить о предстоящем круглом столе в Скарлетт.

Я уже немного освоилась с жаргоном «Мотива», а поначалу из слов Линдзи понимала от силы половину. Теперь я знаю, что круглый стол – это собрание продюсеров, на котором они обсуждают текущие серии, а Скарлетт – зал совещаний рядом с приемной. Здесь все переговорные названы по именам персонажей из детективной игры «Клуэдо».

«Избегай собраний в Мастарде, – предупредил меня Гедеон в первый день стажировки. – Там жутко липкий стол, и никто не знает почему».

– Поговорить о круглом столе? – с готовностью разворачиваюсь от экрана.

Сегодняшнее собрание для меня решающее.

Я отдала Линдзи свой отчет по делу мистера Ларкина в первый же день стажировки и спустя пару дней получила ответ.

«Мне понравилось. В этом определенно что-то есть», – сказала она, вызвав во мне прилив гордости. А на прошлой неделе Линдзи предложила представить случай на следующем круглом столе.

Я поверить не могла своему счастью.

«Так «Мотив» согласен расследовать убийство мистера Ларкина?»

«Презентация ознакомительная, – терпеливо объяснила Линдзи. – Это всего лишь шанс закинуть новую идею, без гарантий».

«И вы уверены, что это стоит сделать мне?» – спросила я и немедленно пожалела о своем вопросе. Надо выглядеть уверенной, а не сомневающейся.

«А что такого? Идея-то твоя. – Она заговорщицки подмигнула: – В этот раз соберется мало народу, все в разъездах или в отпусках. Так что не дрейфь и считай это репетиционным прогоном в кругу друзей».

Сегодня Линдзи выглядит куда серьезнее.

– Обстановка обещает быть более формальной, чем я думала. На круглый стол приехал Рамон д'Артуро.

Ассистенты дружно ахают и перестают стучать по клавишам; я таращусь на Линдзи:

– Рамон д'Артуро?

– Новый босс. Назначен к нам из Эй-би-си пару месяцев назад. Его задача – продать шоу крупной платформе. – Понизив голос, Линдзи добавляет: – Рамон и Карли не особо ладят. Он только и твердит, что о «росте бренда», и, честно говоря, мыслит довольно консервативно. А еще обожает находить изъяны в историях. Так что сегодня, наверное, не лучший день для презентации по делу Уильяма Ларкина.

– Ой... – От мысли, что вся моя тщательная подготовка летит к чертям, становится дурно. – Может, все-таки не отменять? Немного критики мне только на пользу, правда?

Линдзи мрачнеет:

– Обычно стажеры в круглых столах не участвуют. Тебя пригласили только потому, что...

Сокрушенное выражение моего лица не дает ей договорить.

– Потому что надеялись, некому будет слушать? – заканчиваю за нее я.

– Пойми, это для твоего же блага, – говорит Линдзи. – Перед Рамоном даже у меня коленки подкашиваются, а я продюсер с пятилетним стажем.

– Мне все равно, – упрямо твержу я, хотя уверенности не чувствую.

– Знаешь, я спрошу Карли, – заключает Линдзи и удаляется по коридору, звеня браслетами.

Гедеон скорбно вздыхает:

– Был рад с тобой поработать, Бринн.

– Подумаешь! Что такого? Я просто ознакомлю их с идеей.

– Ох, нежное дитя лета. – Гедеон сокрушенно качает головой. – Рамон не нуждается в «ознакомлении». Ручаюсь: если Уильям Ларкин упомянут в повестке круглого стола, босс уже знает об этой истории больше тебя.

– Невозможно, – протестую. – Мистер Ларкин был моим классным руководителем.

– Повторюсь, – изрекает Гедеон, – был рад с тобой поработать.

– Да ну тебя.

Возвращаюсь к таблице с серийными убийцами женского пола, делая вид, что его слова меня несколько не смущили.

Около половины пятого захожу в Скарлетт. Вокруг стола десять кожаных кресел, почти в каждом – по продюсеру вроде Линдзи. На обещанный «круг друзей» действительно мало похоже. Линдзи машет издали, показывая на свободное место рядом с собой. Внутри все сжимается.

– Карли дала добро, – шепчет она, когда я подхожу ближе.

– Класс, – выдавливаю из себя и сажусь.

Путей к отступлению нет.

В эту минуту в комнату входит сама Карли. С ней высокий мужчина – волосы с проседью, очки в тонкой оправе. Даже на расстоянии видно, кто тут главный, причем без каких-либо усилий с его стороны. Карли ловит мой взгляд и одаривает мимолетной улыбкой, потом усаживается в кресло во главе стола. Мужчина занимает место рядом, разглаживая на груди галстук.

– Прошу внимания, – произносит Карли, и голоса мгновенно стихают. – Сегодня на наш круглый стол из Нью-Йорка прилетел Рамон, поприветствуем его! – Собравшиеся здороваются и аплодируют, мужчина слегка наклоняет голову. – Как всегда, мы услышим несколько новых, по-моему, очень многообещающих идей. – С этими словами Карли обводит глазами стол и останавливает взгляд на мне. – Думаю, все уже знают Бринн. Она проходит у нас стажировку и сегодня

предложит нашему вниманию историю, к которой имеет самое непосредственное отношение. В данном случае жертва – ее бывший учитель. Бринн, ты готова познакомить нас с делом Уильяма Ларкина?

Серьезно? С места в карьер?

– Конечно, – говорю.

Открываю ноутбук и чувствую на себе взгляд Рамона поверх очков.

– Теперь и стажеры предлагают сюжеты? – спрашивает он низким, хорошо поставленным голосом.

Нервно сглатываю, а Карли произносит:

– У нас не иерархическая организация, Рамон. Идеи могут поступать от кого угодно, и лично я приветствую инициативу. Прошу, Бринн.

– Хорошо, – говорю. Десять секунд назад голос так не дрожал. *«Расслабься, – приказываю себе. – Ты же тренировалась накануне».* – Думаю, никто не представит Уильяма Ларкина лучше него самого.

Нажимаю клавишу, на экране оживает видео. Мой бывший учитель, в белой рубашке и неизменном лимонном галстуке, улыбается в камеру.

«Мне нравилось работать в школе Элиота, – говорит он, откидывая со лба прядь выющихся темных волос. – Но Сент-Амброуз – это нечто особенное. Школа серьезно нацелена дать детям из всех слоев общества образование высочайшего класса».

Я останавливаю видео и говорю:

– Уильям Ларкин записал это интервью для кабельного телевидения Стерджиса в марте две тысячи восемнадцатого года. Месяцем позже, двенадцатого апреля, его нашли мертвым в лесу позади Сент-Амброуза.

Жму на кнопку, и на экране появляется коллаж из фотографий. Официальное фото мистера Ларкина из школьного архива, групповой снимок нашего восьмого класса и несколько других, где учитель помогает мистеру Соломону тащить тяжелый пакет с удобрениями, раскладывает чили по тарелкам во время благотворительного ужина в школе, обслуживает стенд на городской книжной ярмарке.

– Уильям Ларкин пользовался огромной популярностью, его любили все ученики без исключения. Он был...

– Неизвестно кем, – вставляет Рамон д'Артуро.

В зале наступает гробовая тишина. Я моментально краснею.

– Простите? – переспрашиваю. Пальцы инстинктивно тянутся к браслету, нащупывают знакомые подвески.

– Рамон, – сдержанно вступается Карли, – сейчас очередь Бринн.

– Извини, что перебил, – невозмутимо продолжает Рамон, – только мы теряем время. Давайте по существу.

Он встает, берет маркер и пишет на доске большими буквами прямо по застывшему лицу мистера Ларкина: «КОМУ ДО НЕГО ДЕЛО?»

У меня отвисает челюсть, а Карли говорит:

– Бринн как раз об этом и говорила.

– Она говорила о том, каким он был хорошим учителем, – уточняет Рамон. – И это замечательно. Только обычно в подобных случаях мы имеем дело с безутешной семьей, которая жаждет докопаться до правды. С родителями, которые могут рассказать о детских годах жертвы, с женой или подругой, которая лишилась любви всей жизни. Еще бывают братья или сестры, подозревающие никогда не нравящихся им приятелей, и прочее. А как обстоят дела с Ларкином? – Он пожимает плечами. – Труп опознал сосед по комнате. Местная газета поговорила с коллегами из школы. Такое впечатление, что у него и семьи-то нет.

– Минутку, – протестую я, – что значит нет?

Рамон хмурит бровь:

– Можете кого-то назвать?

– Я... – Не нахожу слов.

– Ваш учитель рассказывал что-нибудь о своей семье? – продолжает Рамон. – Или друзьях? О подруге, наконец?

Я судорожно роюсь в памяти под устремленными на меня взглядами. Наверняка он кого-то упоминал, только, как назло, ничего не приходит на ум. Мистер Ларкин всегда говорил о нас, и все воспринимали это как должное. Ведь заботиться об учениках было его прямой обязанностью. Даже готовясь к презентации, я ни на секунду не задумалась о его семье или друзьях, что теперь выглядело совершенно диле-

тантским упущением.

Черт, надо было послушаться Линдзи и отказаться, пока была возможность.

– Я не помню, – сдаюсь я.

– Неудивительно, – кивает Рамон. – Полиция Стерджиса не смогла найти ни одного родственника, и никто его не хватился. Похороны организовал персонал Сент-Амброуза. Как я уже сказал, Уильям Ларкин был неизвестно кем.

Не знаю, что больнее: то, что Рамон за пять минут показал мою несостоятельность как криминального журналиста или что он упорно называет мистера Ларкина неизвестно кем. Так и тянет оправдаться, заступиться то ли за него, то ли за себя.

Меня опережает Карли.

– Чем вам не детективный сюжет? – вворачивает она. – Почему у красивого, умного, молодого учителя, которого так любили ученики, на поверку не оказалось никаких связей?

– Какое нам дело? – отрезает Рамон. – «Мотив» привлекает зрителей историями, которые задевают за живое. Подумайте, сколько ресурсов мы угробим лишь на то, чтобы откопать хоть какую-нибудь информацию. Рекомендую бросить эту затею.

Я молчу, не в силах пошевелиться. Его слова как будто по новой заколачивают в гроб улыбающегося с экрана мистера Ларкина.

– Ты слишком категоричен, Рамон, – не сдаётся Карли. –

И забываешь о детях, которые его нашли. Их практически не допрашивали. Уверена: тут не обошлось без влияния и денег некоторых родителей...

– И вот еще что, – прерывает ее Рамон. Он разглаживает галстук, сверкая запонками, и я, никогда не игравшая в покер, безошибочно угадываю, что сейчас нам предъявят выигрышную руку. – Мои источники в Вегасе сообщили, что этой же историей занялся Гуннар Фокс.

Реакция присутствующих такая, словно Рамон вывалил на стол помой. Лица перекошены, ноздри раздуваются, у многих вырвалось непроизвольное «фу». Под общее неодобрение быстро гуглю имя в телефоне. Результат мгновенный: бывший спортивный комментатор из Лас-Вегаса, уволен за сексуальные домогательства. Недавно запустил собственное шоу о реальных преступлениях «Не уверен – не убивай», которое выкладывает на «Ютьюбе» и «Фейсбуке»². Короче, тот же «Мотив», только не вызывающий доверия и с омерзительным типом в качестве ведущего.

– Гуннар Фокс? Он-то здесь каким боком? – недоумевает Карли.

– Утверждает, что якобы раздобыл инсайдерскую информацию. – Рамон вновь садится. – Впрочем, неважно. Если вы возьметесь за это дело, вам придется конкурировать с Фокс-

² Компания «Мета», к которой относятся социальные сети «Фейсбук» и «Инстаграм», признана экстремистской, и ее деятельность на территории России запрещена.

сом за каждое интервью. Только репутацию себе испортите, ему на радость. Лучше потратьте время и талант на более достойные сюжеты.

Рамон стреляет глазами в мою сторону. Если расчет на то, что я почувствую себя размером с Дюймовочку, цель достигнута.

Карли сверлит Рамона взглядом, однако больше не спорит.

– Учтем, – говорит она. – А сейчас перейдем к следующему пункту. Такер, представьте, пожалуйста, дело в Эхо-Ридже.

Я оседаю в кресло. Линдзи строчит что-то на планшете и двигает его мне под нос. «НЕ ПЕРЕЖИВАЙ! ОН ТАК СО ВСЕМИ». Вяло улыбаюсь и отодвигаю планшет, пытаюсь сосредоточиться на обсуждении. Она права: остальные сюжеты тоже раскритикованы, хотя и не разбиты в пух и прах, как мой.

Круглый стол закончен, я торопливо собираю вещи, мечтая об относительно тихой гавани Ямы. Плевать на гедеоновское «я же говорил».

– Бринн!

Я поднимаю голову. Карли, с вибрирующим телефоном в руке, успевает сказать:

– У меня важный звонок. Подождите с Линдзи в Мастерде – на два слова.

– Ох уж этот Мастерд, – бормочет Линдзи.

Плетусь за ней по коридору, а у самой внутри все переворачивается. Я не только не произвела на Карли впечатление, я ее опозорила. И, скорее всего, поставила крест на своей журналистской карьере.

– Меня выгоняют, да? – выпаливаю я, как только Линдзи закрывает за нами дверь.

– Что? – Она непонимающе хмурится, кладет ноутбук на соседний стул и предостерегающе выставляет руку, видя, как я заносу свой компьютер над столом: – Не клади! Прилипнет.

– Неужели его нельзя отмыть? – спрашиваю я, мгновенно сосредотачиваясь на том, как уместить ноутбук и блокнот на коленях.

Линдзи тяжело вздыхает:

– Думаешь, мы не пробовали?

Дверь распахивается, при виде лица Карли пульс подскакивает до небес. Она в ярости, и я втягиваю голову в плечи, ожидая услышать: «Ты уволена!» Вместо этого начальница плотно закрывает дверь, прислоняется к ней со скрещенными на груди руками и заявляет:

– Этому выскочке пора дать понять, кто здесь хозяин.

Глава 10. Бринн

В недоумении смотрю на Линдзи – та вот-вот рассмеется.

– Что за манеры – прерывать моих сотрудников на полуслове? – возмущается Карли, меряя комнату на своих немереных каблуках. – Прерывать меня?! Сбрасывать со счетов мое мнение, будто я какой-то несмышлениш и нуждаюсь в руководстве. Да я с нуля создала собственное телешоу! Без чьей-либо помощи.

– Знай наших, – хмыкает себе под нос Линдзи.

Облегчение наступает сразу, как только я понимаю, что гнев Карли направлен не на меня.

– Вы не согласны с мнением Рамона о деле мистера Ларкина? – осторожно спрашиваю я.

– В жизни не действовала по указке какого-то корпоративного журналюги! – гневно отвечает Карли. Она плюхается в кресло и шумно выдыхает, делая над собой усилие, чтобы успокоиться. – Так, давайте наметим первые шаги. Линдзи, свяжись с полицией Стерджиса и узнай, какими сведениями они готовы поделиться.

Я едва не выскакиваю из кресла, а Линдзи спокойно открывает ноутбук – «Есть, капитан!» – и начинает стучать по клавишам.

– И размести, пожалуйста, информацию об Уильяме Ларкине на нашем веб-сайте, – продолжает Карли. – Имя, фото,

возраст на момент смерти, дату убийства и имейл для обратной связи.

Линдзи замирает, приподнимая бровь:

– Если информация о Ларкине появится на веб-сайте, Рамон сразу поймет, что... – Она осекается под жестким взглядом Карли.

– Что мы расследуем преступление? – холодно уточняет начальница. – То есть занимаемся своим делом, которое обеспечивает всех сотрудников нашей компании, включая его самого, работой? На здоровье.

– Ясно, – кивает Линдзи, возвращаясь к экрану.

Перевожу взгляд с одной на другую и глазам своим не верю. Две умные, востребованные, профессиональные журналистки всерьез разбирают случай мистера Ларкина, который предложила я! Ну, немножко помогло, что босс, которого Карли ненавидит, безжалостно меня раскритиковал, но не будем о грустном.

– А что делать мне? – спрашиваю.

Карли чуть хмурит бровь.

– Неплохо бы навести справки о тех, кто его нашел, – говорит она. – Узнай побольше о них и их семьях, чем они сейчас занимаются, и все в таком роде.

Припоминаю утреннюю встречу комитета по устройству мемориального сада в Сент-Амброузе. Никак не ожидала увидеть там Триппа Тэлбота, который к тому же первые десять минут меня в упор не замечал. Зато я по полной насла-

дилась выражением его лица, когда мисс Келсо определила нас вместе. А теперь получается, что работа в команде с заклятым врагом сулит и другие преимущества.

– Уже в процессе, – говорю я.

* * *

На дворе ночь, а я все еще не могу прийти в себя; нервозность и адреналин не дают уснуть. Легла где-то около одиннадцати, но, провалявшись без сна, плюнула и взяла телефон. «Гугл» – просто кладезь информации о Дельгадо и Холбруках. Насколько я могу судить, родители Шейна и Шарлотты заняты тем, чтобы еще больше разбогатеть.

Мистер Холбрук руководит венчурной компанией, наиболее известной своими инвестициями в популярное приложение для знакомств. Семья Дельгадо – совладельцы компании по недвижимости; они выпускают пресс-релизы чуть ли не каждую неделю. Пролистав заголовки двухгодичной давности, я дошла до новостей в год смерти мистера Ларкина.

«Недвижимость Дельгадо» завершила сделку по нью-гэмпширскому портфолио на восемь единиц имущества».

«Недвижимость Дельгадо» начинает многоплановый новаторский проект».

«Недвижимость Дельгадо» анонсировала рекордный год по благотворительным взносам».

Копирую несколько ссылок в таблицу, озаглавленную

«Расследование Ларкина». Мой излюбленный подход к каждой истории, над которой я когда-либо работала: собрать как можно больше относящихся к делу подробностей и пытаться выявить закономерности. Что повторяется? Что бросается в глаза?

Однако таблица по делу мистера Ларкина с самого начала выглядит иначе. Информация слишком беспорядочная, в голове звучат слова Карли: «Мы не «Нью-Йорк таймс», понимаешь? Документалистика преступлений – ниша очень специфическая, и если тебя не увлекает...»

Тогда я не дала ей закончить фразу, а теперь понимаю, что она имела в виду. В таких делах необходима безусловная увлеченность, даже одержимость, потому что преступление – особенно убийство – выявляет самые потаенные, самые темные стороны человеческой природы. Если ты не одержим страстью докопаться до ответов, долго не протянешь.

Голова раскалывается. «Пора спать», – решаю я и лезу проверять аккаунты своих чикагских друзей. Иззи запостила в «ТикТоке» свою собаку, я ставлю эмодзи с сердечками вместо глаз. Последний пост Оливии в «Инстаграме» – симпатичное селфи, получившее массу комментариев. Только собираюсь оставить свой, как вижу длинную строку с огнем от того самого тупицы-капитана Джейсона Прютта! Открываю ответный комментарий от Оливии и читаю: «Пошел вон».

– Я с тобой солидарна, сестра, – бормочу я, чувствуя прилив благодарности судьбе за подругу.

Перехожу на страничку Джейсона, и во мне поднимается волна ненависти при виде фотографии, на которой он вращает на пальце баскетбольный мяч. Когда «Мотив» раскроет убийство мистера Ларкина, Иззи и Оливия позаботятся о том, чтобы все в старой школе узнали, чья это работа. Пусть пожалеют о плохом со мной обращении.

В дверь тихонько стучат, и я бросаю взгляд на часы: почти два часа ночи. Только один человек в доме не спит в такое время.

– Входи, – говорю я, и в комнату протискивается дядя Ник.

– Мне показалось, ты не спишь. – Без очков он выглядит каким-то неполноценным. – Бессонница?

– Исследовательский проект, – отвечаю и быстро закрываю «Инстаграм», пока дядя не засек, что я шпионю за Джейсоном. – Слушай, ты не помнишь, мистер Ларкин когда-нибудь рассказывал о своей семье? Или о подруге, или о ком-то еще?

– О семье?.. – Дядя Ник наклоняет голову, припоминая. – Ничего не всплывает. А что? Я думал, «Мотив» отложил случай Уилла до лучших времен.

– Э-э, им вдруг снова заинтересовались, – мямлю я, надеясь, что дядя не станет спрашивать. Очень не хочется посвящать его в фиаско с Рамоном д'Артуро.

– Да ну? – Ник поднимает бровь. – Родители уже в курсе?

– Нет еще. Может, ничего и не получится. Но ты же

знаешь, – в голове некстати всплывает ухмылка Джейсона Прютта, – я стараюсь. Надеюсь заслужить себе репутацию.

– Ты бы лучше впарила начальнице случай в Карлтоне. Город, можно сказать, в двух шагах отсюда. – Видя на моем лице полное непонимание, дядя Ник спохватывается: – Ах, да! Вы тогда еще в Чикаго жили. Нашумевшая история: трое ребят прогуливали школу и наткнулись на труп одноклассника. Прямо как в фильме «Выходной день Ферриса Бьюллера», только с убийством. – Я по-прежнему хлопаю глазами, он вздыхает: – Обязательно посмотри это кино. Хотя бы погугли.

– Непременно, – обещаю дяде. – Так, значит, ты ничего не можешь сказать о мистере Ларкине? А о Триппе? Ты говорил с ним после того дня в лесу?

Как известно, я с Триппом тогда уже не общалась.

– Не-а. Полагаю, у него был сильный шок. Травма. Как, впрочем, у всех троих. – Дядя Ник складывает руки на груди и опирается на дверной косяк. – Слушай, я понимаю, как это все тебя захватывает, только особо не увлекайся.

– То есть?

– Помнишь, что твой отец сказал насчет «делиться неэтичной информацией»?

– С каких это пор ты прислушиваешься к папе? – возмущаюсь я.

– Никогда не прислушивался, – грустно усмехается дядя Ник. – И вот результат: в двадцать четыре года живу с ним

под одной крышей. Так что учись на моих ошибках. – Он зевает и чешет подбородок. – Ложись спать. Я тоже пошел.

– Ладно. Спокойной ночи, – говорю и машу рукой закрывающейся двери.

Беру телефон и возвращаюсь к веб-сайту «Недвижимость Дельгадо». Он по-прежнему открыт на странице о благотворительных взносах; я прокручиваю, пока не натыкаюсь на следующее заявление:

«Компания с гордостью поддерживает местный бизнес и городские службы. В этом году сумма благотворительных взносов превысила десять миллионов долларов, – говорит основатель и соучредитель Марко Дельгадо. Смотрите полный список пожертвований в нашем ежегодном отчете».

Последние два слова подчеркнуты, по ссылке открывается pdf-файл. Передо мной совершенно не читабельный на телефоне список. Почти смахиваю его с экрана, как вдруг в глаза бросается знакомое название: «Школа Сент-Амброуз». В год смерти мистера Ларкина компания родителей Шейна перевела школе сто тысяч долларов. Не мешало бы проверить суммы пожертвований в другие годы. Взгляд случайно падает на строку ниже Сент-Амброуза, и у меня перехватывает дыхание.

«Фонд полиции Стерджиса: \$250 000».

Трипп. Четыре года назад

Угораздило же меня оказаться в паре с Шейном! Мало того, что он забыл свою папку с инструкциями мисс Синг, так еще возомнил себя лидером нашей лесной экспедиции.

– Не туда, – командует он на развилке, когда я сворачиваю вправо.

– Это еще почему? – спрашиваю.

– Мы идем к месту для костра.

Чуть дальше в лесу, на поляне возле Шелтон-парка, вырыта яма, где старшеклассники из соседней школы иногда разбивают костры.

– Почему туда? – недоумеваю. – Там одни сосны.

Шейн отводит взгляд:

– Я договорился кое с кем встретиться.

– С кем?

– С Шарлоттой.

Только этого не хватало! Шейн Дельгадо даже из научного проекта ухитряется сделать свидание.

– Ну, флаг тебе в руки. Я иду в другую сторону.

– Нет! – как-то чересчур поспешно останавливает меня Шейн. С чего он вдруг так занервничал? – Я не хочу идти один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.